

A woman with long, wavy blonde hair is seated on an ornate, dark wooden throne. She is wearing a white, long-sleeved historical dress with intricate gold embroidery along the neckline, waist, and sleeves. Her hands are resting on her lap. The background is dark and atmospheric, with light rays filtering through from the right side.

Елизавета Дворецкая

Ясень и яблоня.
Книга первая

Корабль во фьорде

Елизавета Дворецкая

Ясень и яблоня. Книга 1

«Автор»

2008

Дворецкая Е. А.

Ясень и яблоня. Книга 1 / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
2008 — (Корабль во фьорде)

ISBN 978-5-9717-0624-3

Вернувшись из похода, молодой Торвард узнает, что погиб его отец, предводитель племени фьяллей. Чтобы унаследовать власть, необходимо отправиться на священный остров за благословением великой Богини. Ее воплощение на земле, прекрасная жрица Эрхина, покоряет Торварда своей красотой. Воин, не привыкший робеть даже перед богами, сватается к Эрхине. Та оскорблена – ни один смертный не смеет посягать на ее свободу. И мстительная жрица бросает на фьяллей войско, непобедимое при свете дня и оберегаемое колдовством ночью...

ISBN 978-5-9717-0624-3

© Дворецкая Е. А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

ЯРОСТЬ НОЧИ

*Мужей не суди
за то, что может
с каждым свершиться;
нередко бывает
мудрец безрассудным
от сильной страсти.*
Старшая Эдда¹

Глава 1

Было обычное утро в самом начале зимы, и Сэла никак не могла предположить, что ей выпадет такая честь: первой приветствовать нового конунга фьяллей, вернувшегося из похода. Осенние пиры младшие домочадцы кузнеца Стуре-Одда в этот раз справляли у родичей в Углифьорде, где Бьёрн Бородач выдавал замуж свою старшую дочь Ингирид. На днях гости уже собирались обратно, а пока помогали по хозяйству Бьёрну бонду, уставшему от всех свадебных хлопот.

На хмурой заре, когда узкий дымовик под крышей оставался еще темным, в дверь девичьей постучали. Огонь в очаге к утру погас, покой совсем остыл, и кончик носа, торчавший наружу, был холодным, как ледышка. Сэла, к тому времени спавшая уже вполглаза, тут же решительно выбралась из-под двух одеял, которые делила с младшей Бьёрновой дочкой Фрейдис. Одеяла были тонковаты, поэтому Сэла спала в двух рубашках и еще набрасывала сверху свою новую овчинную накидку. Торопливо напялив холодные чулки и башмаки, Сэла присела на приступку лежанки возле очага. Фрейдис, не просыпаясь, сноровисто завернулась в одеяла, чтобы не поддувало сбоку.

Сэла поворошила палкой угли и стала совать кусочки коры и щепки к загоревшимся красным искрам, подложила два полешка стеночками и принялась раздувать огонь, отворачивая лицо от летящей золы. Женщины на двух лежанках неохотно зашевелились: им настала пора идти к коровам. День предстоял хмурый, скучный, и никаких иных развлечений, кроме поездки за рыбой, не предполагалось.

Облизывая обожженный палец, Сэла выбралась за дверь и там обнаружила своего двоюродного брата Аринлейва, такого же озябшего и сонного. Почему-то осенью особенно тяжело вставать до рассвета.

– Эти уже к лодке пошли! – зевая, сообщил он и сунул Сэле сухой ломоть. – На, погрызи! До завтрака долго.

Сэла охотно вцепилась зубами в черствый хлеб и вслед за братом побежала к морю. Снаружи было лишь чуть-чуть холоднее, чем в доме, зато свежо и заметно светлее. Сыновья Бьёрна уже вынесли лодку и разбирали весла. Всегда надеявшийся на лучшее Альвир прихватил парус, но ветер не дул, и всю дорогу до Рыбной шхеры, где на ночь ставили сети, пришлось грести.

В большой лодке их сидело шестеро: кроме Сэлы, которая расположилась на корме между двумя пустыми корзинами, за веслами устроились Аринлейв, их приятель Кольт, приехавший с ними из Аскефьорда, и трое Бьёрновых сыновей – Ульв, Альвир и Гуннар.

Чтобы не скучать, Сэла всю дорогу рассказывала длинную сагу, которую слышала от раба-улада из Пологого Холма. Речь там шла об одной девушке, которая жила на острове Эриу когда-то в древности и судьба которой отличалась необыкновенной сложностью. Судя по нахмуренным бровям младшего из братьев, пятнадцатилетнего Гуннара, он очень быстро

перестал понимать, что к чему. Запутаться было немудрено: эта девушка, по имени Этайн, сначала вышла замуж за конунга по имени Мидир, но его прежняя жена-колдунья превратила ее в муху и заставила летать без конца, присаживаясь отдохнуть только на морские волны. В конце концов муха-Этайн упала в чашу одной женщины, та проглотила ее и родила девочку, и эта девочка опять была Этайн. Сэла, выросшая на сказаниях мудреца и чародея Стуре-Одда, в этом повторном рождении не видела ничего удивительного, но трое братьев из Углифьорда ей не верили, потому что «этого не может быть». И вот вторая Этайн опять выросла, опять вышла замуж, и опять за конунга, но тут ее стал навещать незнакомый человек, уверявший, что был ее мужем в прежней жизни. Он хотел увести ее с собой, но она не помнила его и не соглашалась покинуть своего нынешнего мужа без его позволения. Тогда незнакомец, назвавшийся именем Мидир, пришел к конунгу Эохайду, мужу Этайн, и предложил ему сыграть в тавлеи. Дважды они играли на разные ставки, а в третий раз Мидир пожелал в качестве своего выигрыша право поцеловать Этайн.

– На это Эохайд ему ответил: «Приходи через месяц и тогда получишь то, что тебе положено», – рассказывала Сэла, глядя, как проплывают мимо каменистые берега, отделенные от лодки полосой сероватой, под цвет пасмурного осеннего неба, воды. – В день, когда Мириру пора было прийти, Эохайд приказал запереть все ворота, все двери, и возле каждой еще поставить по десять хирдманов. Но ровно в полдень Мидир вдруг появился перед ними в гриднице, прямо перед сиденьем конунга. «Ну, если уж ты все-таки пришел, то получи то, что выиграл», – сказал ему Эохайд. – Но с условием: пусть моя жена обнимет тебя прямо здесь, перед очагом, у меня на глазах». Мидир на это согласился. Но когда Этайн подошла к нему, он обнял ее правой рукой, и вдруг они оба взлетели вверх и вылетели через дымовик.

Альвир, средний брат, хмыкнул, налегая на весло:

– Да как же можно через дымовик? Они что, были оба меньше воробья?

– Да это же волшебство! – стал втолковывать ему старший из братьев, Ульв. Он понимал в этих вещах не больше, но с готовностью принимал все, что слышал. – Этот Мидир был колдун, он мог в любую дырку проскочить. Неужели не ясно?

– Уж это точно! – Сэла кивнула. – Он был конунгом в волшебной стране и жил под огромным холмом...

Она задумалась ненадолго, то ли припоминая, что там дальше, то ли прикидывая, стоит ли об этом рассказывать. Невысокого роста, легкая, стройная, восемнадцатилетняя Сэла сама походила на деву из рода светлых альвов, которой ничего не стоит проскользнуть через дымо-вое отверстие, а ее шелковистые, густые, светлые волосы золотистой волной спускались ниже пояса по простой овчинной накидке, как сноп солнечных лучей. Миловидное округлое лицо украшал слегка вздернутый носик и тонкие черные брови, так изящно изогнутые, что за одно это в нее можно было влюбиться. Глаза у Сэлы были серовато-голубые, с ярким, немного водянистым блеском, улыбка задорно-сдержанная, как будто она про каждого встречного знает что-то очень смешное, но не хочет сказать. Она имела привычку как бы проглатывать усмешку, отражавшуюся в глазах, поэтому братья из Углифьорда при ней отчасти смущались. В придачу к приятной внешности боги наделили ее умом, но ум свой Сэла использовала, к сожалению матери, не на ведение хозяйства, а на совсем посторонние вещи. Ее интересовали и ход звезд на небе, и дела заморских конунгов, и подвиги древних героев. Еще девочкой она знала все предания Стуре-Одда и могла рассказывать их немногим хуже; новые саги, даже очень длинные, она запоминала целиком, услышав всего один раз.

– Вот так вот: живешь себе и ничего не знаешь, а потом вдруг к тебе приходят и рассказывают, что ты раньше была совсем другой... – в задумчивости проговорила она, и ее глаза, устремленные на каменистый берег с бледно-зелеными пятнами травянистых полянок, где бродили черные и серые козы, видели в это время что-то иное. – Что ты даже и предположить не мог... Любопытно было бы узнать, кем мы были в прежних жизнях.

– Я, наверное, никем не был! – Гуннар ухмыльнулся с таким видом, что, дескать, не очень-то и верится в такие чудеса. Его мир ограничивался Совиным фьордом, и этого ему вполне хватало. – Это у них там, у эриннов!

– Нет, у нас тоже бывает! – возразил Аринлейв. – Ведь про Хельги сына Хьёрварда рассказывают, что он и Свава вновь родились.

– Ну, может, конунги, они и не такое могут! – отозвался благоразумный Ульв. – Может, конунгу ничего не стоит заново родиться. Но мы-то уж точно конунгами не были!

– Отчего же нет? – Сэла глянула на него так, словно проглотила усмешку. Парень не понял, одобряет она его слова или смеется над ним, а Сэла уже отвернулась и принялась смотреть в сторону открытого моря.

– Ага! – с отрывистым смехом подхватил Гуннар. – Вот сейчас приплывет золотой корабль, а на нем конунг с Эриу, и скажет тебе: ты, Сэла, моя жена, поплыли со мной!

– Жены конунгов опять рождаются женами конунгов! – выдвинул весьма здравую мысль Ульв. – Ну, то есть дочерями, чтобы на них опять могли жениться конунги. У рыбаков и кузнецов бывшие конунги не рождаются. Тут-то подвигов не совершишь!

– Как знать... – пробормотала Сэла, глядя в открытое море.

Она не стала бы так уверенно это утверждать: приди к ней заморский конунг и скажи, что он был в прежней жизни ее супругом, она-то уж не отвернулась бы от него только потому, что этого, дескать, не может быть. Ведь мир так огромен – было бы слишком обидно и несправедливо, если бы можно было жить в нем только один раз и только в одном месте.

И в этом мире столько чудес! Там, на западе, в трех днях пути за морем лежит остров Бринн, за ним Козьи острова, жители которых говорят на такой невообразимой смеси языков сэвейгов и уладов, что их не понимают ни те, ни другие. Дальше – северный край Зеленых островов, а еще дальше – большой остров Эриу, богатый, загадочный, дивный край, полный рассказов о бесчисленных встречах смертных с иномирьем. Там Иной Мир вплотную соприкасается с нашим, отделенный лишь тонкой гранью...

Сердце замирало и дух захватывало при мысли об этом, и Сэла вздыхала, глядя в море, где горизонт прятал от нее эти чудеса. Она никогда не бывала дальше Углифьорда, но, с жадностью расспрашивая путешественников, знала о дальних землях не так уж мало. И почему ее так тянет туда, если среди их родни никогда не значилось эриннов или уладов, если ничто ее с ними не связывает, но почему-то каждое слово этих причудливых сказаний, каждое имя оттуда отзывается в душе таким ярким и сильным звоном, словно отзвук забытой родины? Может быть, и ее когда-то звали Этайн?

– А что, она у нас красивая девушка, почти как дочь конунга! – заметил Альвир, с одобрением разглядывая двоюродную внучку отца.

– Лучше! – убежденно ответил Аринлейв. – К нам в Аскефьорд однажды приезжала дочь одного конунга, на ней хотели женить Торварда ярла. Торбранд конунг тогда зимовал в гостях у Сиринлейва конунга в Хорденланде, это было в прошлом году, а весной тот приехал к нам с дочерью на Праздник Дис. Ну, и я ее видел. Если бы не знать, что это дочь конунга, так и не оглянешься, ничего особенного: длинная, тощая, с таким вот носом, что твое весло. У нас в Аскефьорде много девчонок гораздо лучше. И Сэла тоже!

– А что же Торвард ярл на ней не женился, ну, на той? – спросил любопытный Гуннар. – Не понравилась? Или он ей не понравился?

– Да как сказать! – Аринлейв хмыкнул и посмотрел на Сэлу, а Сэла фыркнула: над этой историей весь Аскефьорд в свое время изрядно посмеялся. – Сначала-то ничего, он даже позволил, чтобы его причесали как следует, и при йомфру совсем не выражался. Познакомились, все честь честью. Только на второй же вечер она его застучала с ее же собственной рабыней. И заявила, что сама дарит рабыням старые рубашки, а принять в мужа бывшего любовника собственной рабыни никак не может.

– Ну, и что? – с заливистым хохотом допытывался Гуннар.

– А ничего. Кюна Хёрдис очень смеялась.

– А Торвард ярл?

– А что Торвард ярл? Зачем ему эта носатая? У нас в Аскефьорде красивых девушек, говорю же, много.

При этом Аринлейв невольно бросил взгляд на сестру, а она отвела глаза. Обоим пришлось на память, как той же самой весной, на том же Празднике Дис, в сумерках, когда старшие пировали после освящения семян и скота, а молодежь гуляла в роще, Аринлейв едва-едва успел выхватить саму Сэлу из объятий Торварда ярла, пока не стало поздно. Но об этом братьям из Углифьорда знать было ни к чему.

Из пятерых внуков Стуре-Одда Аринлейв и Сэла наиболее близко дружили. В детстве они часто ссорились, потому что всегда хотели заполучить одно и то же, зато теперь, когда оба повзрослели, сходство вкусов и понятий сделало их почти неразлучными. Отцы их, Сёльви и Слагви, были близнецами, и их дети вышли похожими. Аринлейв считался в Аскефьорде очень красивым парнем. Невысокий ростом, он был хорошо сложен и ловок, имел открытое умное лицо и особенно красивые волосы – длинные, густые, русые, они завивались на концах в крутые колечки, и многие девушки только из-за этих волос сохли по нему.

– Лучше скажите, когда у нас-то теперь конунг будет? – спросил Ульв, которого сплетни не занимали. – Он чего, вернется в этом году или нет?

– Откуда же я знаю, я не ясновидящий! – Аринлейв пожал плечами. – Этого даже по рунному посоху не рассчитаешь. Говорил, что если дела пойдут хорошо, то может и на зиму там остаться.

– Лучше бы ему вернуться побыстрее!

– Конечно, лучше бы. Он бы вернулся, если бы знал.

Аринлейв вздохнул, Сэла тоже погрустнела. И им хотелось поскорее увидеть дома Торварда ярла, который теперь уже месяц являлся, по сути, Торвардом конунгом, хотя сам еще об этом не знал. Совсем недавно старый Торбранд конунг был убит на поединке Хельги ярлом, сыном конунга слэттов, и волосы Аринлейва, обрезанные в знак скорби, еще не отросли.

Аскефьорд с трудом привыкал к потере: за тридцать два года правления Торбранда конунга он стал опорой и основой жизни, как море и горы. Он не славился добротой и любезностью, а был скорее неразговорчив, недоверчив и замкнут, но зато щедр, справедлив, никогда не выносил неправого приговора, не угнетал лишними поборами и так успешно защищал побережья от внешних врагов, что даже свирепые «морские конунги» Вандрланда не смели здесь разбойничать. Половина нынешних фьялленландцев родилась и выросла при нем, но вот его нет, и теперь у всех было такое чувство, будто с дома снесло крышу и отныне он открыт всем ветрам. Бурые скалы Аскефьорда не рушились в море, чайки так же кричали над водой, а козы щипали траву, но люди жили под гнетом утраты и смотрели в завтрашний день с большой тревогой. Погибший конунг многим успел при жизни досадить, и теперь, когда его не стало, Фьялленланд не без оснований ожидал к себе мстителей. А наследник павшего и отныне единственный защитник его владений, двадцатипятилетний Торвард ярл по прозвищу Рваная Щека, еще с лета ушел в поход на Зеленые острова и даже не знал, как нужен теперь дома.

– Да, хорошо бы ему вернуться побыстрее! – снова сказал Аринлейв. – Тинг в Аскефьорде собрать недолго, а вот на остров Туаль ему хорошо бы успеть съездить еще в этом году. Там, на севере, говорят, бури сильные зимой, лучше бы ему успеть до того.

– Да, плохо начинать новый год с конунгом, который еще не благословлен! – согласилась Сэла.

– А зачем ему туда ехать? – осведомился Коль. – Конунгом-то он собирается быть здесь, а не на острове Туаль.

Коль был слэттом, гостем, жившим в Дымной Горе уже больше года. Внешность его – белая кожа в сочетании с темными волосами и глазами – сразу давала понять, что он родился там, где встречаются и сливаются многие разные народы. Его продолговатое, высоколобое лицо носило следы многих жизненных превратностей: нос, с горбинкой от давнего перелома, смотрел немного в сторону, а правая бровь, тоже из-за давнего шрама, была выпрямлена. Зато вторая бровь, густая и черная, имела очень красивый изгиб с маленьким надломом посередине. Волосы он гладко зачесывал назад и заплетал в косу, как носят все слэтты, а из оружия обходился одним длинным ножом с бронзовой рукояткой.

– Все конунги Морского Пути и со всех островов, когда принимают власть, должны ехать в святилище Аблах-Брег за благословением! – обстоятельно объяснил Аринлейв. Внимательные взгляды трех братьев из Углифьорда говорили о том, что это объяснение и для них будет не лишним. – Это святилище Одина, только на Туале его называют Эохайд Оллатир, то есть Могучий Всеотец, а еще Руад Роэсса – Красный Мудрец. И пока конунг, провозглашенный в своей державе, не получит благословения, он как бы не настоящий конунг и боги его не слышат. А благословение приносит удачу ему и всей его стране. Это пошло еще с тех времен, пока люди жили только на острове Туаль, а наши земли были заняты великанами. Уж про Века Великанов ты что-нибудь да слышал? Тогда на Туале жил конунг Харабана, у него была жена Хальмвейг, жрица, и у них было восемнадцать сыновей. Когда сыновья вырастали, конунг каждому из них давал дружину и отправлял добывать себе землю, которой он мог бы править. И благословение они получали в святилище Аблах-Брег, где яблоневоый сад, который цветет круглый год. Про это есть целое сказание: «Песнь о Харабана Могущественном Отце». Сэла ее знает. Все эти восемнадцать конунгов были сыновьями Одина. От них пошли роды конунгов всего Морского Пути и островов: Зеленых, Козьих, острова Эриу, Морвены, Далриады, Камбрии, Эпина, Ньёрнланда, Придайни, ну, всех.

– А как же конунг Харабана? – с невинным видом спросил Коль. – Это были его сыновья или Одина, что-то я не понял?

– У каждого конунга было два отца: земной и небесный, – снисходительно разъяснила Сэла. – Ты вроде бы уже взрослый, а не знаешь таких простых вещей!

– Когда у кого-то два отца, это не делает ему чести! – поддразнил ее Коль. – Чтобы это понимать, я достаточно взрослый!

– Это у простых людей! А у сыновей богов все совсем иначе. Это можно понять, если у кого в голове мозги, а не козий мох.

У Коля в голове были именно мозги, а не козий мох, но соотношение земного и небесного его мало занимало, поэтому он даже не старался вникнуть в суть. Два отца, ну, и два, – это их дело.

– Харабана Старый был земным воплощением Одина. – Сэла все же снизошла до объяснения, больше ради сыновей Бьёрна, чьи недоумевающие лица прямо-таки взывали о милосердии. – А в его сыновьях возродились сыновья Одина. Конунг Торгьёрд, первый конунг Фьялленланда, был воплощением Тора. Поэтому теперь Тор – покровитель фьяллей. Не думала я, что в Слэттенланде все такие... темные, – добавила она и опять проглотила усмешку.

– Может, в Слэттенланде в этом отлично разбираются, но по мне обо всех слэттах нельзя судить, – без смущения отозвался Коль. – Я там прожил не очень-то долго и не успел впитать всей мудрости слэттов.

Воспитание его, как он говорил, не сложилось. Он родился единственным сыном состоятельного бонда, но прожить с родителями ему довелось всего до пятнадцати лет. Однажды на празднике Середины Лета он поссорился с другим подростком; завязалась драка, и Коль ловким приемом, усвоенным не так давно, сломал своему сопернику основание черепа. Как он рассказывал Сэле: «Тогда я был уже довольно-таки сильным и ловким, но соображал не так чтобы очень. С подростками это часто бывает, когда руки зреют быстрее, чем голова». После

этого ему пришлось бежать, поскольку родичи убитого, конечно, захотели бы отомстить. На осеннем тинге того же года юного убийцу объявили вне закона на двадцать лет, и эти двадцать лет ему предстояло провести где-нибудь подальше от дома. Первые годы он скрывался, боясь, что родичи жертвы найдут его и убьют, потом, обретя уверенность в своих силах, стал даже желать этой встречи, а потом опять стал скрываться, теперь уже боясь, что его найдут и он опять кого-нибудь убьет. Со времен его изгнания прошло уже двенадцать лет. Проскитавшись почти столько же, сколько перед этим прожил дома, Коль привык к бродячей жизни, и она нравилась ему.

Устав от таких возвышенных предметов, все некоторое время молчали. Парни налегали на весла. Чтобы помочь им, Сэла запела старую рыбацкую песню, известную всему побережью, которую даже матери пели, укачивая будущих рыбаков:

Ветер, наполни белый парус,
Подгоняй коня морского,
Пусть он мчит по бурным волнам,
Обгоняет быстрых чаек.
Волны, вы не рвите сети,
Не бросайте их на скалы,
Не треплите их о камни,
Мчите прочь траву морскую.
Волны, великаны дочери,
Помогайте мне в работе,
Загоняйте в сети рыбу —
Столько, сколько звезд на небе!
Солнце, ты суши рыбешку,
Чтоб провялилась как надо,
А когда зима настанет,
Я добро не позабуду!
Выпью пива я за ветер,
И за волны, и за солнце!
Всех на пир к себе зову я
Рыбака друзей могучих!

Напевая, она вглядывалась в морскую даль, и ближе к концу песня вдруг стала спотыкаться, будто она сама уже изрядно «выпила пива». Выговаривая слова по одному, Сэла пристально следила за чем-то, так что и братья на веслах стали оборачиваться. В серовато-голубой дали появилось что-то движущееся.

— Э, да там корабль! — воскликнул остроглазый Гуннар. — Корабль, смотрите!

Побросав весла, все стали вглядываться в даль.

— И даже не один! — заметил Аринлейв, прищуриваясь. — Там два... да, два корабля. И оба большие.

— И прямо из моря! — подхватил Альвир. — С островов! Ну, Сэла, это за тобой эриннский конунг в хрустальной золотой ладье!

— Так может, это... Торвард ярл? — с замиранием сердца спросила Сэла.

Она сразу подумала об этом: больше всех королей и чародеев во Фьялленланде сейчас был нужен он, Торвард сын Торбранда. Мигом выбросив из головы предания, Сэла вглядывалась, против воли утверждаясь в этой сумасшедшей надежде.

– А может, это кто-то плывет к нам посчитаться за прежние подвиги Торбранда конунга! – мрачно предположил Ульв. – Если там уже знают, что он убит и мы остались без защиты...

– Нет, нет! – твердила Сэла, сжимая руки и чувствуя во всем теле волнение, трепет, смешанный с еще робким, но быстро растущим ликованием. – Откуда же они могли узнать, ведь прошел всего месяц, а вы сами говорили, что в ту сторону никто еще не плыл мимо вас.

– Никто не мог еще узнать, да еще и собрать войско, снарядить корабли! – поддержал ее Аринлейв, который почти всегда думал с ней одинаково. – И вообще у уладов не бывает таких больших кораблей, они, говорят, между своими островами плавают на лодках из прутьев, обтянутых коровьими шкурами. Торвард ярл их называл «плавучими коровами». А это... смотрите же, это лангскип скамей на двадцать шесть!

Большие корабли шли на веслах и приближались не очень быстро, но уже можно было разглядеть, что это боевые корабли с разноцветными щитами на бортах. Не торговцы какие-нибудь.

– Не повернуть ли нам назад? – предложил осторожный Альвир, оглядываясь в сторону берега. – Все-таки, если что... Если это «морской конунг», нас же просто утопят, чтобы шум не подняли.

– Нет, ни за что! – пылко воскликнула Сэла. От жгучего нетерпения ей хотелось бежать по воде навстречу кораблям. – Ари, давай, гребите! Гребите! Скорее! У них ведь нет красных щитов на мачте!²

Аринлейв, разделявший ее чувства, тут же взялся за весло, и братьям осталось только присоединиться: родич из Аскефьорда, ходивший в походы с конунгом, пользовался у сыновей простого бонда большим уважением. Сэла, перебравшись с кормы на нос, тянулась и вглядывалась, так что Аринлейв окликнул ее:

– Эй, сдай назад! А то вывалишься еще... Как Сольвейг!

Сэла оглянулась: историю с исчезновением Сольвейг, сестры их отцов, она отлично знала, и неспроста Аринлейв вспомнил этот случай именно сейчас, когда *другой* конунг возвращается в Аскефьорд... Но размышлять об этом было некогда: большие корабли все приближались, и Сэла узнавала их.

– Там «Ушастый», первым идет «Ушастый»! – твердила она, в нерассуждающем восторге едва не прыгая на дне лодки. – Я же говорю, это он!

«Ушастый», дреки на двадцать шесть скамей по каждому борту, был кораблем Торварда ярла, захваченным в прошлогоднем сражении с конунгом Граннланда. Резную голову дракона на его переднем штевне украшали огромные уши с гребнем, больше похожие на крылья, из-за чего корабль назывался «Крылатый Дракон», но вслед за веселым Торвардом ярлом все стали звать его «Ушастым». Не узнать такой приметный корабль было невозможно – как и самого Торварда ярла, чью высокую, сильную фигуру Сэла уже вскоре разглядела. Он стоял на носу, вглядываясь в лодку, плывущую навстречу. Сэла замахала ему, и он взмахнул рукой в ответ, должно быть, узнав ее. Искрой блеснул золотой браслет на его запястье, словно осколок солнечного луча, и сам, рослый, мощный и стройный, в красной рубахе, с поясом, густо усаженным золотыми бляшками, – Торвард ярл любил одеваться ярко даже в походе, – был похож на молодого бога, выплывающего на заре из-за грани Иного Мира. Сэла нетерпеливо махала ему, и слезы просились на глаза от внезапной радости – Торвард ярл был гораздо лучше, чем заморский конунг на хрустальной ладье! Торварда ярла, открытого, дружелюбного, ничуть не надменного, отважного и веселого, в Аскефьорде все любили. Но первые двадцать пять лет он прожил как бы в тени своего сурового прославленного отца, и только теперь, когда он

² Красный щит – знак войны.

остался их единственной опорой и защитой, Сэла по-настоящему осознала, как он дорог им всем – всем, для кого он отныне равнозначен солнцу в небе.

Свободные от весел хирдманы на «Ушастом» тоже узнали людей в лодке, над морем пролетел приветственный крик: все были рады еще здесь, за целый переход до Аскефьорда, увидеть знакомые лица.

– Так он же, выходит, ничего не знает... – пробормотал за спиной у Сэлы озадаченный Ульв.

Тем временем лодка подошла к «Ушастому» вплотную; Торвард ярл, крикнув что-то, сделал знак гребцам у себя за спиной. Лодка ткнулась в борт «Ушастого», Торвард перегнулся и протянул руки Сэле; она подала ему свои, и он мгновенно, так что братья только ахнули, выдернул ее из лодки, поднял и посадил на борт, крепко держа за талию. И вот он был перед ней – смуглый, с черными бровями, со своим знаменитым шрамом, который неровной беловатой полосой тянулся от правого угла рта до заднего края челюсти. Как всегда после разлуки, он показался Сэле каким-то очень ярким, бурным, новым и неожиданным. И его весело блестящие карие глаза смотрели на нее с таким восторгом, словно к ней-то он и стремился через моря. В походах Торвард всегда скучал по дому и был рад увидеть хоть кого-то из Аскефьорда уже сейчас, а тем более девушку, потому что из всего населения Аскефьорда девушек он любил больше всех!

– Сэла! – радостно восклицал он и жадно целовал ее, покаявая щеки и губы своей черной щетиной, не бритой уже дня три. – Вот так подарок! Ты меня встречаешь, мне не мерещится! Как же ты догадалась, что я сегодня вернусь? Вещий сон видела? С меня колечко! Ну, как у нас там, солнце мое?

Сэла засмеялась и положила руки ему на грудь. «Солнце мое» Торвард ярл называл девушек, с которыми его связывали теплые чувства известного рода. Она не стремилась попасть в их число, но сейчас его бурная и искренняя радость от встречи, его горячие поцелуи и это «солнце мое» – знак ближайшей сердечной привязанности – вызывали в душе неразумную и такую приятную слабость. Все-таки он был лучше всех парней Аскефьорда, выше всех не только положением, но и качествами. Сэла твердо решила, что не станет в него влюбляться, – они не пара, и нечего зря вздыхать! Правда, на том памятном Празднике Дис и она среди общего веселья чуть не лишилась рассудка, а с ним и еще кое-чего, для девушки даже более важного. Почему она не противилась, когда ее бережно, но решительно увлекали в укромное место за выступом скалы в Драконьей роще, – она и сама не могла потом объяснить. Почему-то в то время предчувствие того, как сильные руки Торварда ярла мягко положат ее спиной на мох, вызывало не ужас, а скорее наоборот... Должно быть, возбуждение весеннего праздника и манящая страсть его поцелуев свели ее с ума. И долго еще при воспоминании об этом вечере ее пробирала дрожь – но, пожалуй, не от страха... Конечно, потом она опомнилась и была признательна брату, который так своевременно вмешался, но и теперь, несмотря на мудрые и решительные обещания, данные Аринлейву и самой себе, Сэла не могла не признать, что нет во Фьялленланде человека, более достойного любви, чем Торвард ярл!

Но то грустное известие, которое ей предстояло передать, лежало на сердце тяжелым черным камнем.

– Торвард... – начала она и запнулась, не зная, как теперь назвать его, Торвард ярл или Торвард конунг. Оттого вышло, что она назвала его просто по имени, но он не имел ничего против и смотрел на нее с тем же теплым ликованием в блестящих карих глазах. – Ты... ты ведь не знаешь? – полуутвердительно произнесла Сэла, понимая, что если бы он *знал*, то едва ли сейчас был бы так весел.

– Что? – с живой готовностью к любым новостям спросил Торвард. – Ничего я не знаю! Ну, как вы тут?

– Что ты... – Сэла глубоко дышала от волнения и жалела, что эта выдающаяся честь досталась ей, а не кому-нибудь поумнее, вроде Эрнольва Одноглазого.

– Что я опять стал отцом? – весело предположил Торвард, видя, что она не решается что-то вымолвить. – Кто меня осчастливил на этот раз? Не ты и не Хильделинд, не может быть, я точно помню!

– Нет, гораздо хуже! – Не смеясь вместе с дружиной, Сэла качнула головой и погладила его по щеке, не решаясь огласить страшную новость, которая надолго погасит радостный блеск этих глаз. – Или лучше. Не знаю. Все сразу.

– Не надо меня путать, я сам запутаюсь! – пошутил Торвард, но взгляд его стал серьезным. – Что значит – все сразу?

– Ты стал конунгом. Торбранд конунг... убит.

Торвард переменялся в лице. Ближайшие к ним хирдманы замолкли, только дальние, сидевшие за веслами ближе к мачте, еще гомонили, не расслышав. Торвард молча смотрел ей в глаза: он не произносил ненужных слов вроде «Не может быть!» или «Что ты говоришь!», а просто смотрел, словно вслушивался в смысл произнесенного. Такими вещами не шутят, он это понимал.

– Кем? – наконец коротко спросил он.

– Хельги сыном Хеймира. Они встретились на Квиттинге. У них был поединок. Ари все видел, он тебе расскажет, он там был. – Сэла кивнула вниз, на лодку, где среди братьев сидел Аринлейв.

Торвард посмотрел на него, скользнул взглядом по его коротко обрезанным волосам. Теперь не требовалось спрашивать, почему Аринлейв расстался со своим украшением. Торвард в растерянности подергал прядь собственных черных волос, отросших за время похода почти до локтя.

– Давно? – снова спросил он, и по этим отрывистым словам, по тому, как сильнее стала вздыматься его широкая мускулистая грудь, видно было, что страшная потеря с грохотом и гулом вдвигается в его сознание, ломая привычное ощущение жизни. Или *две* потери...

– Нет. Еще только месяц, дружина совсем недавно вернулась. Больше никто не погиб, сражений там не было. Хотели послать за тобой, но не знали, где ты.

Торвард медленно обернулся и нашел взглядом одного из своих телохранителей.

– Кетиль, помнишь? Ты же с нами был. Мы ведь... Сольвейг видели. – Он снова обернулся к Сэле. – Видели ее над морем, там, ну, на островах. Я своим глазам не поверил, но ребята тоже видели. А Халльмунд говорит: надо возвращаться, она за нами пришла. Я хотел там зимовать, но... решили вернуться, посмотреть, как тут дела. Нет, правда?

Он посмотрел ей в глаза с каким-то просящим выражением: не так чтобы он ей не верил, но ему требовалась хоть капля сочувствия, чтобы не задохнуться под бременем такого несчастья. Сэла грустно закивала: она знала, что Торвард любил отца и что в потере его пока не утешает даже то, что конунгом фьяллей теперь становится он сам. Вместо подтверждения она потянулась и поцеловала его, желая хоть немного подбодрить его своей любовью – его, который отныне являлся единственным владыкой и единственной надеждой Аскефьорда. Их Тора, который своим молотом защищает светлый и осмысленный мир от осаждающих его злобных великанов-разрушителей.

Торвард медленно вытянул из ножен на поясе нож, собрал волосы в кулак и провел по всему пучку на уровне шеи, а потом вытянул руку над бортом и разжал пальцы. Длинные, отчасти спутанные черные пряди посыпались в волны, как жертва морским богам, и у Сэлы защемило сердце. Пропала в волнах беззаботная радость Торварда ярла, пропал его – и их всех – прежний мир. Не обязательно, что новый будет хуже, но он будет другим, а с прошлым всегда тяжело расставаться – ведь с ним уходит и часть тебя.

Хирдманы с помрачневшими лицами взялись за свои ножи: они привыкли всегда и во всем следовать за вожаком. С неровно обрезанными короткими волосами Торвард стал непохож на себя, и Сэла знала, что теперь ему придется во многом перемениться. Того веселого, открытого, беспечного и сумасбродно-отважного парня, за которым в бою не успевали собственные телохранители и которому в голову не приходило их подождать, больше не будет. Теперь он старший в своем роду.

В конце концов сыновья Бьёрна отправились выбирать сети одни, а Сэла и Аринлейв поплыли на «Ушастом» назад к Углифьорду, по пути рассказывая все, что знали о последних событиях. Потрясенный новостью, Торвард решил даже не останавливаться на берегу, чтобы передохнуть после трехдневного плавания в открытом море, а сразу двигаться дальше в Аскефьорд. В Совином фьорде пристали, только чтобы набрать воды, бегло ответить на приветствия местных жителей и рассказать главное Халльмунду ярлу и его дружине на втором корабле, «Единороге». В полдень уже поплыли дальше на север, к Аскефьорду, и по пути Сэла излагала новости помельче, так или иначе тоже связанные с произошедшим.

– Кюна выдала Тору замуж, – заметила она как бы между прочим, не глядя при этом на Торварда из опасения, что это его заденет.

– За кого? – коротко отозвался он, но по лицу его было видно, что после главного это известие кажется ерундой.

– В Лебяжий фьорд. Не совсем там, подальше от моря, ну, выше по Сванэльву...

– Чтобы я мимо не ездил! – догадался Торвард и криво усмехнулся.

– Наверное, так. Говорят, хороший хозяин. Дала за ней приданого две коровы, серебра полмарки и всякого тряпья.

– Ну, пусть живут.

– А ты там у уладов какую-нибудь красавицу нашел? – ревниво спросила Сэла, не одобрявшая легкости, с которой Торвард навек простился со своей величайшей (за последний год) любовью.

– Да была там одна девочка... – Торвард сын Торбранда имел способность находить себе «одну девочку» где угодно. – Хорошенькая такая. Дочь местного одного... Но она вбила себе в голову, что выйдет замуж только за конунга, а я никак не мог ей ответить, когда стану... Ничего себе совпадение! Если бы знать... – Он осекся. – Ну, хочешь вместо Торы? – Торвард шутливо обнял Сэлу, но она видела, что он думает не о любви и не о дочке рыбака Хумре, которую его мать, кюна Хёрдис, посчитала неподходящей подругой для него теперь, когда он сделался конунгом.

В ответ Сэла только покачала головой. Несмотря на свое скромное происхождение, она была существом гордым и независимым, и ей не хотелось стать одной из вереницы Торвардовых подруг, которых через некоторое время снабжали приданым и выдавали замуж.

– Теперь тебе нужна настоящая невеста, – заметила она. – Еще какая-нибудь дочь конунга.

– Да, – отозвался Торвард, но думал вовсе не о девушках.

По привычке он еще пытался шутить и вести себя как обычно, чтобы дружина не видела, как плохо вождю, но по мере того как он осознавал произошедшее, в груди нарастала боль, от которой перехватывало дыхание. В мыслях теснили друг друга два образа: отец и Хельги ярл. Отца он любил и почитал, даже не задумываясь о том времени, когда сам займет его место. Они различались между собой, как бурное пламя и тихий, холодный, но глубокий ручей; Торвард со всеми своими мыслями, чувствами, порывами и побуждениями всегда был на виду, а о мыслях и чувствах его отца не знал и не догадывался ни один человек, не исключая и пронырливой кюны Хёрдис. Но Торбранд конунг, будучи человеком очень умным, никогда не пытался обламывать буйный нрав сына и переделывать его по себе: он знал, что в Торварде кипит та же неукротимая сила, что направляла по жизни его мать, и самое лучшее – дать этой

силе изливаться беспрепятственно. Торбранд конунг никогда не ограничивал свободы сына искать себе славы в Морском Пути и на островах, спокойно принимал его частые, пылкие и в основном краткосрочные увлечения девушками, охотно уступал наследнику наиболее утомительные обязанности – вроде сбора дани или охоты на «морских конунгов», тревоживших берега. И они жили душа в душу; не будучи властолюбив, Торвард не стремился к престолу конунга, повелевал своей ближней дружиной, которую набирал с четырнадцати лет, а с шестнадцати уже полностью содержал сам, и в свою очередь был предан отцу, ум и опыт которого высоко ценил.

Привыкнув считать отца непобедимым, Торвард сейчас испытывал такое же потрясение, как если бы Мировая Змея, в нарушение всех пророчеств, взяла бы да и сожрала Тора прямо сейчас. Внезапная потеря оглушила его, и сейчас ему казалось, что он непрерывно падает в какую-то гулкую, белую пропасть, в которой нет даже воздуха. Новое положение, новые обязанности и новая ответственность придавили его, весь мир зашатался, так что даже доски палубы под ногами стали казаться какой-то очень ненадежной опорой.

И еще – Хельги ярл. Сын конунга слэттов, с которым они познакомились только этой весной и так понравились друг другу, что даже ходили вместе на Квиттинг. Они расстались друзьями, и Торвард сохранил о Хельги самые теплые и уважительные воспоминания. Не укладывалось в голове, что этот человек, такой невозмутимый, умный, сердечный, мечтательный и истинно благородный, тот, с кем Торвард обменялся клятвой дружбы и взаимной помощи, сделал то, что мог бы сделать злейший враг. Предательства и вероломства в его поступке не было: он и Торбранд конунг встретились на чужой земле и делили добычу, которую каждый намеревался там взять. Один из них должен был пасть от руки другого, и ни победителя, ни побежденного этот поединок не порочил. Но... отец погиб, и никакая дружба с Хельги отныне для Торварда невозможна. И его жизнерадостная душа не могла принять столько бед за один раз.

Когда два корабля подошли к Аскефьорду, уже вечерело, но с Дозорного мыса их увидели, и весь длинный берег осветился огнями. К тому времени, как «Ушастый» и «Единорог» приблизились к Конунгову причалу, почти настала ночь, но на всей широкой площадке под соснами горели сотни факелов в руках, освещая сотни взволнованных лиц. Прибыл новый конунг фьяллей, и Аскефьорд не мог отложить встречу с ним до утра.

Конунговым причалом называлась широкая песчаная площадка в скалах, куда можно было вытащить большой боевой корабль, одна из пяти подобных площадок в длинном Аскефьорде. Сзади ее обрамляли высокие старые сосны, а между ними убегала вверх по склону широкая утоптанная тропа с выпирающими из земли сосновыми корнями, ведущая к Аскегорду, усадьбе конунгов. Народ толпился и на скалах, и под соснами, и на тропе; дети и подростки взобрались на замшелые валуны, в изобилии торчавшие из береговых склонов, как головы исполинских подземных ящеров. Многие поспешили надеть лучшие яркие наряды, и только коротко обрезанные волосы мужчин свидетельствовали о том, что тут не справляется праздник. Даже бергбур из Дымной горы, уродливый горный тролль, наверное, выбрался из пещеры и жался где-нибудь поблизости в тени скалы, сверкая своим единственным глазом и жадно втягивая запахи вывернутыми ноздрями.

Кюна Хёрдис, мать Торварда, уже стояла под соснами, позади нее полукругом расположились женщины самых знатных родов Аскефьорда. Среди них не последнее место занимала Сольвейг Красотка, старшая сестра Сэлы и Аринлейва, вышедшая замуж за Сигвальда, младшего сына Эрнольва ярла из Пологого Холма. Сам Сигвальд со своим отцом стоял на песке у самой воды среди других мужчин. Пять знатнейших родов Аскефьорда носили почетное звание «стражи причалов»: это были те, чьи усадьбы стояли возле площадок, пригодных для причаливания боевых кораблей, и кому, следовательно, приходилось первым встречать возможное нападение врага. Здесь был старый, совсем седой Кольбейн Косматый и его сын Асвальд

Сутулый из Висячей Скалы, сыновья Хродмара из Медвежьей Долины, Альвор Светлобровый из Горного Вереска с тремя младшими сыновьями.

Альвор ярл и сыновья Хродмара придерживали огромный, вдвое больше обычного, продолговатый старинный щит, окованный узорной бронзой, – щит древнего Торгъёрда, прародителя фьялленландских конунгов. Строго говоря, деревянная основа щита за семь веков неоднократно обновлялась, но бронзовые накладки были подлинными и щит почитался «тем самым», с которым Торгъёрд конунг воевал с великанами и бергбурами.

Когда «Ушастый Дракон» царапнул днищем песок и Торвард собрался выпрыгнуть, Эрнольв ярл предостерегающе крикнул и махнул ему рукой, призывая остаться на месте. Ярлы подняли щит и пошли с ним навстречу Торварду. Зайдя в воду и приблизившись к кораблю, они подняли щит к самому борту, и Торвард, в жестоком волнении почти бессознательно сделав перед грудью знак молота, поставил ногу на щит. Он выпрямился, и пятеро ярлов с трудом удерживали его на плечах: он весил именно столько, сколько и должен весить сильный, покрытый крепкими мускулами мужчина двадцати пяти лет, ростом в четыре локтя с четвертью. Но фьялли и не желали себе более «легковесного» повелителя: его мощь обещала благополучие и процветание всему Фьялленланду. Если не ошибались древние, считавшие совершенное тело правителя залогом милости богов к нему и к его стране, то трудно было и вообразить конунга более достойного, чем Торвард сын Торбранда. Самое лучшее обучение и воспитание, какие только может обеспечить единственному сыну умный и предусмотрительный конунг, прекрасно развили его щедрые природные задатки: он уже сейчас был великолепным воином, но еще как много совершенств и свершений ждало его в будущем!

Пятеро ярлов на плечах вынесли его из волн, пронесли по площадке и остановились на середине.

– Приветствую тебя снова на земле Фьялленланда, Торвард сын Торбранда! – провозгласил Эрнольв Одноглазый, родич конунга и самый знатный, самый прославленный после него человек. – Здесь, перед всеми этими свободными людьми, по единогласному решению тинга Аскефьорда, под взорами богов, я провозглашаю тебя конунгом фьяллей! Да благословит тебя Один, Бог Мудрости, Господин Тьмы и Властелин Света! Да благословит тебя Тюр, Правитель и Судья! Да благословит тебя Тор, Воин и Защитник! Да будут с тобой Фрейр и Фрейя, Податели Благ! Пусть вся их сила вольется в тебя, пусть благословляющий дух их осветит твой разум и принесет благополучие, мир и изобилие земле фьяллей!

Священным кремневым молотом он сделал перед Торвардом трехчастный благословляющий знак Тора. Ответом ему послужил дружный и громкий крик сотен голосов: в голосах этих слышались волнение, боль потери и радость нового обретения, ликование и надежда. Десятки поднятых факелов освещали Торварда на щите, который возвышался над всем берегом и над толпой. Стройный, мощный, в красной рубахе (меховую накидку он снял и оставил на корабле, потому что в волнении ему всегда становилось жарко), он сам казался божеством, и огонь факелов бросал горячие отблески на золотые бляшки его крепко затянутого пояса, на широкие золотые браслеты на обеих руках.

Он окидывал взглядом кричащую толпу, и грудь его вздымалась: эта ночь, прохладная осенняя темнота, сотни лиц, белеющих в свете факелов, шум моря и гул ветра в вершинах знакомых сосен, щит Торгъёрда, вознесший его над землей, – все это наполнило его глубоким, острым, чем-то ранящим и в чем-то отрадным волнением. Его переполняла сила, какая-то легкая, уверенная мощь, как будто теперь, поднятый на этот щит, он обрел способность летать. Из Торварда ярла он стал Торвардом конунгом и, как рожденный заново, ощущал, что изменилось не только звание. Сотни невидимых, но горячих и прочных нитей связывали его с каждым из тех, кто смотрел на него и чьей силой он сейчас был поднят на этом щите. Отныне их общая кровь течет в его жилах, отныне он – их голова и руки, их ум и воля, их меч и их щит. Это казалось новым, непривычным – и притом естественным, словно он наконец-то занял место,

которое ждало его с рождения. И боль его потери вдруг прошла: у Фьялленланда снова имелся конунг, и погибший отец вернулся к нему в нем же самом.

Щит опустили, Торвард сошел на песок. Эрнольв ярл приблизился и подал ему Молот Торгьёрда – амулет-торсхаммер на ремешке, который передавался от одного конунга к другому. По преданию, его сделали из осколка Мйольнира.

Торвард взял его и повесил на шею. Чуть ли не впервые в жизни у него дрожали руки от волнения. Этот знак защиты и благословения перед тем тридцать два года носил его отец, а до того дед, Торродд конунг, которого Торвард никогда не видел, а до него прадед, Торлейв конунг, и так далее – множество поколений конунгов Фьялленланда, имя каждого из которых начиналось именем Тора. У него было такое чувство, что с этим невзрачным кусочком кремня на простом ремешке он вешает себе на грудь живое сердце всех этих поколений, одно на всех – сердце правителей и воинов. Их силы входили в него, и грудь расширялась, с трудом умещающая их в себе. По жилам бежал огонь, грозя сжечь, но Торвард знал, что выдержит.

Эрнольв Одноглазый сказал еще что-то, чего он не расслышал за криком толпы, и показал на поднятый край площадки, где стояла кюна Хёрдис. Торвард сделал шаг к ней, и сам песок словно бы помог ему шагнуть – бурлящим в нем силам вес собственного тела казался ничтожным.

Кюна тоже оделась в лучшие наряды: в желтую шелковую рубашу, расшитую по подолу и рукавам золотой тесьмой, вышитое платье малинового сукна, накидку из дорогого собольего меха. Края ее головного покрывала сплошь были усажены разноцветными стеклянными бусинками, на плаще сияла крупная золотая застежка, а на правой руке сверкало обручье Дракон Судьбы. Возраст вдовы Торбранда конунга приближался к пятидесяти, но на вид ей дали бы не больше сорока. Ее лицо почти не тронули морщины, фигура оставалась такой же крепкой и статной. В Аскефьорде не слишком любили свою кюну-ведьму, но все женщины завидовали ее редкостной молодости.

В руках она держала серебряный позолоченный кубок, который подавался только конунгу фьяллей и никому другому. Кубок Торгьёрда, как его называли, изготовили в виде кита с широко раскрытой пастью. Он сужался к хвосту, отчего фигура кита одновременно напоминала рог. Это было третье, после щита и торсхаммера, наследственное сокровище фьялленландских конунгов. Нарядная, величавая, с блестящим кубком в руках, озаренная светом от множества факелов среди тьмы, Хёрдис походила на богиню Фригг, что приветствует Одина, вернувшегося в Валхаллу.

Перейдя песчаную площадку, Торвард стал подниматься по тропе к вершине откоса. Когда ему оставалось несколько шагов, кюна Хёрдис сама выступила ему навстречу, и Торвард остановился. Народ затаил дыхание, так что ясно было слышно плеск моря возле кораблей и шум ветра в вершинах сосен.

– Приветствую тебя, конунг, сын мой! – отчетливо и важно провозгласила кюна Хёрдис. – Удачен ли был твой поход? Кубок Торгьёрда ждет тебя, Торвард конунг!

В голосе ее слышалось нескрываемое, упоительное торжество, правая бровь дрожала. Сегодня была поистине вершина ее жизни. Она, дочь рабыни, не признанная отцом, пленница великана, потом жена конунга, наконец-то стала матерью конунга, и весь Фьялленланд склоняется перед ее сыном. Такого ликования она не испытывала даже тогда, когда Торбранд конунг назвал ее своей женой, – в те тяжелые дни ей было не до радости. Да и что такое жена по сравнению с матерью? Жен может быть много, а мать у человека только одна. И вот она, ведьма, втайне нелюбимая Аскефьордом, протягивает Кубок Торгьёрда, легендарного основателя рода, своему сыну. Ах, как она хотела, чтобы это увидели все, кто знал ее в жизни: ее давно погибшие или потерянные из виду родичи, все ее многочисленные враги и недоброжелатели. Мать, которая бросила ее восьмилетней, выходя замуж и уезжая навсегда, все отцовские домочадцы, попрекавшие ее бездельем и дурным нравом, и тот глупый старик, который

собирался перерезать ей горло жертвенным ножом! И даже тот тупой великан, Свальнир из Медного Леса, который было думал, что завладел ею навсегда! Ах, как хотела бы она воскресить Хродмара ярла, мужа своей сводной сестры Ингвильды и своего пожизненного непримиримого врага, чтобы он увидел ее торжество! На второго своего недруга, Эрнольва Одноглазого, кюна Хёрдис и сейчас, не удержавшись, бросила быстрый насмешливый взгляд. Он, прославленный ярл, гордящийся своей знатностью и благородством, сам провозгласил своим повелителем сына ведьмы!

Торвард подошел вплотную к матери и пристально-вопросительно посмотрел ей в лицо, для чего ему пришлось наклонить голову, потому что мать была заметно ниже его ростом. Кюна Хёрдис почти впихнула ему в руки блестящий позолотой кубок, и Торвард сжал его в ладонях. На руке кюны блеснуло золотое обручье Дракон Судьбы, и Торвард проследил за ним глазами.

– А что с Драконом Битвы? – осевшим от волнения голосом спросил он. – Он здесь? Или его похоронили?

– Твой отец взял его с собой в Валхаллу. Не знаю, было ли мудрым это решение, время покажет. А пока, конунг, сын мой, тебе придется самому добыть славу, чтобы обвить ею свой меч!

Торвард опустил лицо и поднес ко рту кубок. Меч Дракон Битвы, ушедший с отцом в курган, было отчасти жаль, но жить за счет отцовской славы он и сам не собирался.

Полная луна заливала белёсым светом маленькую полянку на вершине горы, одной из бесчисленных гор Медного Леса. Лунный свет играл жидким блеском в воде ручья и вместе с ним, переливаясь и подмигивая, убегал вниз по склону. Возле самого истока сидел кто-то маленький, лохматый, свернувшийся, как еж. Даже сама луна не узнала бы в этом странном звере Дагейду, дочь великана Свальнира, последнюю в роду древних квиттингских великанов. Ее окружали камни, и один из них, низкий вытянутый валун, наблюдал на ней – во тьме мерцали небольшие, тускло-зеленоватые волчьи глаза.

Неподвижно сидя среди камней, Дагейда смотрела в источник – туда, где обычно среди разноцветных камешков выбивалась из-под земли прозрачная струя, а сейчас поблескивало белым серебром вогнутое дно, похожее на какую-то диковинную вторую луну, которая восходит не на небе, а из-под земли. В этом источнике на вершине горы Дагейда хранила кубок по имени Дракон Памяти – между водой, землей и небом, на пересечении трех стихий. Кубок этот для того, кто умел им пользоваться, был то же самое, что для Одина его глаз в источнике Мимира. Тот, кому хватит мудрости заставить кубок говорить, увидит мир одновременно сверху и снизу, изнутри и снаружи – как смотрит Один. Из людей такой мудростью владели лишь единицы, но Дагейда, рожденная от великана и смертной женщины, живущая на грани между живым и неживым, между вечным и преходящим, умела смотреть с двух противоположных точек бытия так же естественно, как обычный человек смотрит двумя глазами или работает двумя руками. Дракон Памяти хранился в одном из бесчисленных источников Медного Леса, но Дагейда умела вызвать его отражение вместе с его волшебством из любой текущей воды, где бы она ни оказалась.

Сейчас в Драконе Памяти отражалась тьма, но не эта глухая тьма безлюдного леса, где луна наедине шепталась с горами, а другая – смотрящая прямо в лицо Дагейде сотней огненных глаз. Факелы в невидимых руках двигались, кружились, то замирали, то снова пускались в пляс, как сотни и сотни душ, свободных в черной Бездне, – до воплощения, после воплощения, между воплощениями... Луна с небес видела все это где-то очень далеко, за землями и морем, – и лунный свет, отражаясь в воде источника и в серебре старинного кубка работы свартальвов, переносил в него все то, что видела луна. Различала Дагейда и стройную мужскую фигуру, невидимой силой вознесенную над морем мрака, торжествующую, победоносную. В ней воплотилась мощь тысяч и тысяч людей, мощь земли и воды, гор и ручьев, лесов и пусто-

шей. В нее вливали силу мечи прошлых и будущих воинов, рыбацкие лодки во фьордах, паруса торговых кнёрров, стрелы охотников в лесах, пастушеские посохи на склонах, кайла из оленьего рога в медных копьях Черных гор, бычьи упряжки в полях каменистых долин, молоты кузнецов-оружейников и ножи искусных резчиков по кости – все то, что зовется Фьялленландом. Тревожно и жадно вглядываясь, в свете далеких факелов Дагейда рассматривала лицо, которое наяву видела всего один раз, – смуглое, с черными бровями, с заметным шрамом на щеке, окруженное прядями густых черных волос. Это был ее брат по матери, Торвард сын Торбранда. Отныне – конунг фьяллей. Дагейда своими глазами видела последний поединок и гибель его отца, и смысл ночного неистовства огней не составлял для нее тайны.

Дракон Памяти стал медленно опускаться в источник и вскоре исчез, теперь на дне были только камешки. Дагейда неподвижно сидела на земле, обдумывая увиденное и пытаясь сообразить, что грядущие перемены дадут ей. Казалось бы, какая связь между маленькой ведьмой в глуши Медного Леса и новым конунгом Фьялленланда? Но связь между ними имелаась, и Дагейда никогда о ней не забывала. Почти единственным, что интересовало Дагейду в человеческом мире, было золотое обручье в виде дракона, свернувшегося кольцом, называвшееся Дракон Судьбы. Оно там, во Фьялленланде, где живет их с Торвардом общая мать кюна Хёрдис, похитительница Свальнировых сокровищ... Двадцать пять лет ее охранял старший из трех волшебных братьев, меч по имени Дракон Битвы. Но недавно он, как и Дракон Памяти, будучи погребен в кургане Торбранда конунга, тоже оказался если не в руках, то во владениях Дагейды. У похитителей остался только последний из трех, только золотой «дракон». Вернув его в Медный Лес, Дагейда вернула бы былую силу роду квиттингских великанов – то есть себе. Она, маленькая ростом, как двенадцатилетняя девочка, была единственной, но полноправной наследницей рода могучих, как эти горы, великанов, когда-то владевших всем полуостровом Квиттинг. Род ее исчез с лица земли, но если сила трех драконов вернется в Медный Лес, в ней одной будет мощь и долговечность всех. Тогда она будет несокрушима, как сами эти горы...

Напрасно было спрашивать у Дагейды, зачем ей эта мощь. Зачем-то река течет и ворощет огромные камни? Зачем-то растет лес и встает непроходимой стеной? Зачем-то метель засыпает землю снегами, погребая долины и горы? Такова их природа, а природа Дагейды была та же, что у корней и камней Квиттинга.

А главным ее соперником в борьбе за сокровище dwarves теперь был ее брат, Торвард сын Торбранда. Но ему, когда Дракон Битвы вместе с его отцом ушел под землю, гораздо труднее будет противостоять ей! Сейчас, когда старый конунг умер, а новый еще не получил благословения богов, надежды Дагейды на успех необычайно возросли.

Ей, никогда в жизни не покидавшей Медного Леса и совсем не знакомой с человеческими порядками, трудно было сообразить, что предстоит теперь делать конунгу фьяллей. Его признали люди, но не боги, а та, что дарит смертным признание богов и с ним подлинное право на власть, живет далеко за морем, на острове в середине земли. А значит, ему теперь придется плыть туда...

Он уплывет в то место, где живет Богиня и которое, по сути, является Иным Миром... Никто, разумеется, не учил ведьму Медного Леса преданиям и обрядам, она и не смогла бы выразить в словах свое расплывчатое знание, но суть вселенских токов, на которые опирались и предания, и обряды, она знала прекрасно. Да, он уплывет... А это значит... Дракон Судьбы останется почти беззащитным!

Цель казалась так близка, что Дагейда не могла усидеть на месте. Пусть сама она не может уйти с Квиттинга – у нее есть другие руки, способные протянуться в любой уголок Морского Пути.

– Скорее, Жадный! – Мигом вскочив, Дагейда с нетерпением замахала руками, подпрыгивая, в своей накидке из волчьего меха и с густой гривой длинных спутанных волос похожая на обезумевшего ежа. – Скорее, едем! На озеро Фрейра!

Лежавший «валун» бесшумно поднялся на сильные лапы и шагнул к ней; мгновенно вскарабкавшись на камень, Дагейда ловко и привычно перебралась на спину волка и вцепилась в шерсть на загривке. Словно живая молния, облитый серебряным призрачным светом волк широкими прыжками мчался с уступа на уступ вниз по склону горы – на юг, туда, где ждало маленькую ведьму ее послушное орудие. И там, куда люди верхом и пешком добирались за много дней, она на своем косматом скакуне могла оказаться в пределах одной ночи.

В Медном Лесу Дагейда могла почти все, но не могла сделать одного простого дела – войти в человеческий дом. Просторная усадьба Конунгагорд, что так гордо возвышалась на пригорке над священным озером Фрейра, древняя усадьба квиттингских конунгов, куда сегодня мог бы смело войти любой случайный гость, ей, хозяйке всего полуострова, была недоступна. Этой холодной ночью в самом начале зимы усадьба открыла ворота и даже двери, чтобы многочисленным гостям шумного пира было чем дышать, но не для Дагейды предназначалось это гостеприимство. Ее не пускали воротные столбы, покрытые старой резьбой, с вpletенными в узор рунами Альгиз и Одаль, не принимали земляные полы, исхоженные тысячами человеческих ног, отталкивали камни очагов, возле которых многие поколения людей грелись, готовили пищу, пили пиво, передавая рог по кругу, рассказывали саги и болтали о пустяках, хвастались подвигами и спорили, чинили уздечки и перемигивались с женщинами, играли в тавлеи и метали кости, учили детей и бранились – словом, делали все то, чего не могут, не умеют делать великаны. И дух тех ушедших поколений окружал человеческий дом огненной стеной, непреодолимой для ведьмы.

Нынешний хозяин усадьбы, Бергвид сын Стюрмира, еще год назад именовавший себя конунгом квиттов, но лишенный этого звания после войны с другими квиттингскими вождями, был не такой человек, чтобы закатывать пиры для всех званых и незваных. Но сегодня выдался особенный день: он провожал свою сестру, йомфру Хильду, которая перебиралась из его дома в новый, свой собственный. Те события, в которых Бергвид понес потери, для Хильды обернулись приобретением славы и почета: ей было всего шестнадцать лет, но она теперь именовалась хёвдингом Острого мыса и стала первой на памяти людей женщиной, удостоенной такой чести. Острый мыс уступал всем прочим округам и богатством, и численностью населения, он не сулил своей хозяйке роскошной жизни, но это было ее собственное владение, и Хильда чувствовала такое же счастье, как если бы ей отдали весь Квиттинг. Там ее ждал новый, только что отстроенный усилиями Бергвида дом, и они уже условились, что на праздник Середины Зимы он приедет пировать у нее в гостях.

Радуюсь, что их роду, хотя и ограбленному жадными врагами, все же принадлежат теперь две из восьми квиттингских областей, Бергвид хёвдинг находился в довольно веселом расположении духа. Но йомфру Хильда сама чуть было не испортила ему веселье, когда внезапно заявила:

– Теперь, когда у меня есть собственная земля, ты, Бергвид хёвдинг, брат мой, понимаешь, что мне пора подумать о замужестве!

– Да, это правильная мысль! – согласился Бергвид.

Он редко одобрял мысли, которые рождались в любых головах, кроме его собственной, но с этим спорить не приходилось. В его положении союзники нужны были как воздух – хотя уж он-то знал, что такое человеческое вероломство и как мало стоит полагаться на самых, казалось бы, близких людей!

– Я подумую, что здесь можно сделать, – великодушно пообещал он. – Не так-то много... Да, совсем нет на Квиттинге людей, которые годились бы в мужья моей сестре... Родство с какими не опозорит наш род... Никому в этом деле нельзя верить! – с горькой откровенностью воскликнул он и протянул свой опустевший кубок служанке, ходившей вдоль длинных столов с кувшином пива. – Я... бывает, что девушка хороша собой, знатна, уч... учтива... – Он

задумался, словно не знал, какие еще бывают у женщин достоинства, потом опустил голову и грустно посмотрел в свой кубок. – А на самом деле... Предатели! – с угрюмым давлением в голосе окончил он, глядя на дно кубка, как будто в нем только что утонули эти самые предатели. И он считал, что туда им и дорога!

Бергвиду хёвдингу, которого многие из его людей по привычке все еще называли Бергвидом конунгом (против чего он отнюдь не возражал), не исполнилось тогда и тридцати лет, но выглядел он на все сорок. Высокий, костистый, с широкими, но сутулыми плечами и длинными руками, он мог быть грозным бойцом, но выглядел нескладно, особенно теперь, полупьяно развалившись на высоком почетном сиденье; было похоже, как будто из этого тела вынули скрепляющий стержень и все кости болтаются сами по себе. Продолговатое лицо его, обветренное и загорелое, тоже выглядело каким-то костлявым: скулы у него заметно выдавались, как у многих квиттов, широкий выпуклый лоб уже был прорезан тремя глубокими морщинами, черные брови срослись. Длинные темные волосы давненько не встречались с гребнем, зато на шее висело странноватое для мужчины украшение – стеклянные бусы из продолговатых зеленых бусин, какие носят хозяйки средней руки, и то больше в торговых поселениях. Правда, поверх бус блестела широкая и длинная золотая цепь, вполне подходящая сыну конунга.

Йомфру Хильда ничуть не походила на брата. Невысокая, худенькая, с мягкими чертами лица, она казалась бы еще моложе своих шестнадцати лет, если бы не задорное, самоуверенное, лукавое выражение ее хорошенького светлобрового личика. Светло-кариими глазами она напоминала кюну Даллу, их с Бергвидом общую мать, а склонность к насмешкам и проказам унаследовала от своего собственного отца – и в этом состояло основное различие между ней и Бергвидом. Торжествующе хохотать над поверженным врагом, будучи достаточно погружен в «боевое безумие», он умел, но смеяться от радости – нет. Брат и сестра, они были в равной степени упрямы, но если упрямство Бергвида напоминало каменную скалу, о которую разобьются самые разумные доводы, то упрямство Хильды походило на ручеек, который неприметно обогнет любую скалу и проложит-таки путь, куда ему надо. Бергвид был неприхотлив и равнодушен к богатству, и если не брезговал грабить торговцев на морях, то больше ради необходимости содержать дружину. Хильда же очень любила роскошь, была жадна до подарков, новых платьев, чаш и кубков, тканей, украшений, поясов, ковров и всего прочего. Особенно теперь, когда ее новому дому требовалось достойное убранство.

Ради родственной любви йомфру Хильда, услышав от брата о «предательстве» женщин, не усмехнулась, а только опустила глаза. В самом деле, когда твоя первая невеста оказывается беременна от твоего злейшего врага, потом жена уходит к другому злейшему врагу, а третья невеста – к третьему, тут поневоле сделаешь выводы... Однако сама Хильда вовсе не собиралась становиться такой же неудачливой. Теперь, когда у нее есть собственная земля, ей самое время было подумать о достойном браке. И на примете у нее имелся человек, который умел в должной мере оценить ее достоинства. Если бы только втолковать любезному братцу, упрямому, как тролль, что и ему это принесет сплошные выгоды!

– Да уж, бывает так, что бывшие друзья и даже родичи становятся врагами! – с многозначительным и важным видом заметила она, рисуясь перед братом, его гостями и дружиной, как может только юная хорошенькая девушка, чрезвычайно довольная собой. – Но случается и так, что бывшие враги становятся друзьями и родичами, да, так тоже бывает! Все в мире может стать своей противоположностью!

Изрекая эту мысль, которая ей представлялась необычайно мудрой и глубокой, Хильда покосилась на брата, но тот не мог ее оценить. Уронив голову и опершись о подлокотник, Бергвид уже дремал. Рабыня Халльгерд – крепкая, суровая женщина средних лет – стояла рядом, готовая подхватить его, когда он начнет падать.

– Вот, например, у тебя есть враг, Вигмар Лисица! – девушка слегка повысила голос, и Бергвид, услышав это имя, поднял голову. В глазах его появилось какое-то смутное нехорошее

чувство, но Хильда, не смущаясь, продолжала: – Приятного в нем мало, что и говорить! Но у него есть сыновья. Штук десять, если всех считать. Но законных только двое. По матери они происходят из рода Стролингов, а на Квиттингском Севере никого не было их знатнее! Так что внук последних Стролингов совсем неплохая пара даже для меня.

– О чем ты говоришь? – Бергвид не вполне ее понимал, но имя ненавистного врага заставило его выплыть из полупьяных грез. Его темные глаза под тяжелыми набрякшими веками оживились и настороженно заблестели.

– Я говорю о том, что ради мира на Квиттинге я согласилась бы заключить брак с человеком, который никак уж нас не опозорит своим происхождением, – с той же горделивой важностью продолжала Хильда. – Такой брак предотвратил бы дальнейшую вражду между хёвдингами и...

– Тролли бы их взяли! – Бергвид в негодовании швырнул свой кубок прямо на земляной пол, так что остаток пива выплеснулся в очаг, угли зашипели. – Молчи! Я знать не хочу никаких хёвдингов! И меньше всех – Вигмара Лисицу, этого мерзавца, выскочку, наглеца, безродную скотину! И колдуна в придачу! Он заклинает духов, и они помогают ему одерживать победы! Я соглашусь о нем услышать только одно – что его повесили, и утопили, и свернули ему шею! Что его кишки намотали на его собственное проклятое копьё! Больше ничего я не желаю о нем слышать! И чтобы я больше от тебя о нем не слышал!

– Но ты же дал клятву оставаться в мире со всеми, в том числе и с ним! – Хильда с обидой надула губки, как девочка, которой запрещают играть. – Ты дал клятву жить в мире со всеми квиттингскими вождями. И не будет никакого урона нашей чести, если мир будет подкреплён...

– Молчи, я сказал! – Бергвид ударил кулаком по подлокотнику. – Клятву! Будь проклята эта клятва! Если бы я только знал, что ему прищемил хвост конунг фьяллей, дождался бы он от меня клятвы! Вот отчего он запросил мира, этот трус, подлец и предатель, – если бы я только знал! – И Бергвид даже зарычал от досады на свое тогдашнее неведение, которое верную победу, бывшую почти в руках, превратило в поражение.

– Но теперь ты связан клятвой и все равно не можешь враждовать и воевать ни с кем из них. Поэтому...

– *Поэтому я укажу тебе нового противника, Бергвид сын Стюрмира!* – вдруг прозвучало между ними, прямо из ниоткуда.

Голос, произнесший эти слова, был так странен, так звучен и притом бесплотен, что все в гриднице разом умолкли, перестали есть; ослабевшие руки опустили рога и кубки, работающие челюсти застыли, так что все гости стали похожи на хомяков с полными защечными мешками. Голос шел откуда-то из самой середины просторного покоя, рождался как бы из воздуха между резными столбами, подпиравшими кровлю... из очага, где горел огонь... и притом походил на стылый, режущий зимний ветер, пробирающий до костей. Собственное тело показалось каждому недостаточно надежным покровом для защиты души от голоса *с той стороны*.

– К-кто? Где? Что это? – Бергвид тревожно огляделся, вцепившись в нож на поясе. – Кто говорит... со мной...

– *Это я говорю с тобой, Бергвид сын Стюрмира, я, дух Медного Леса! Я, Дагейда дочь Свальнира!*

– Где ты?

Бергвид, бледный и с холодной испариной на лбу, огляделся – он знал, что дочь великана никогда не войдет в человеческий дом. Та же испарина блестела на лбах у всех гостей в гриднице – каждого сжигал внутренний жар, а по коже бегал озноб, вызывая лихорадочное потение, кружение головы, темноту в глазах, слабость. Лишь слегка коснувшись их, дух корней и камней тянул на себя человеческую жизненную силу, и ни у кого не было средства защититься от его жадности.

– *Я здесь!* – раздался насмешливый голос, и Бергвид, а за ним и все прочие увидели в огне очага, высоко вздымавшегося над старыми черными камнями, голову ведьмы.

Рыжие языки пламени вились вокруг лица, как волосы на ветру, желтые глаза сияли и жгли – и Бергвид, не раз видевший ее, не мог не узнать своей странной покровительницы. Ее покровительство он когда-то купил за такую цену, о которой предпочел забыть, и Дагейда все эти десять лет приносила ему только пользу, но при встрече с ней он каждый раз испытывал давящий ужас.

– Что... что ты хочешь? – задыхаясь, едва сумел выговорить он, на все готовый ради того, чтобы она поскорее исчезла.

– *Помочь тебе!* – прозвучало из пламени, и сам голос ведьмы обжигал, как злое дыхание огня. – *Ты не можешь затеять войну на Квиттинге, чтобы не нарушить данной клятвы. Я укажу тебе другого противника. Победа над ним прибавит тебе чести и богатства! Это – Торвард сын Торбранда, конунг фьяллей!*

– Кто-о?! – боясь, что ослышался, заплетающимся языком едва вымолвил Бергвид. – То... То...

– *Торвард сын Торбранда, конунг фьяллей!* – со злобным удовлетворением отчеканила ведьма. – *Ты удивлен? Ты этого не знал? Ты не знал, что Торбранд конунг убит, убит здесь, на Квиттинге, убит Хельги сыном Хеймира! А это так! Уже много дней миновало с той поры, как он был засыпан землей вместе со своим знаменитым мечом по имени Дракон Битвы, тем самым, который он украл у моего отца! Они погребены в одной могиле, и сын его стал конунгом фьяллей! Нет больше Торбранда конунга, чье имя наводило страх на врагов! Больше нет! Ничто не мешает тебе пойти войной на его беззащитную землю и рассчитаться с фьяллями за все то горе, которое они принесли квиттам! Отомстить за смерть твоего отца, Стюрмира конунга, чья убийца, жена Торбранда, все еще живет в Аскефьорде! Сделай же это сейчас, когда все дороги перед тобой открыты!*

– Но как же... Торвард ярл? Вернее, Торвард конунг? – дрожащим голосом пробормотал Ульв Дубина, наслышанный о мощи Торбрандова наследника.

– *Скоро его не будет во Фьялленланде, и все его сокровища, награбленные на Квиттинге, останутся без защиты! Пойдите туда и возьмите их! В Аскефьорде вас ждут добыча и слава! Увези его мать и продай ее в рабство, Бергвид сын Стюрмира, как его отец продал в рабство твою мать! Возьми его дом и его богатства, как он взял твои! А мне ты отдашь только одну вещь – обручье Дракон Судьбы, то, что носит его мать. Принеси мне его – и я дам тебе такую силу, что равного тебе не будет в Морском Пути. Никогда!*

– Я сделаю это! – воскликнул Бергвид, и голос его окреп. Мысль о фьялленландских конунгах, об участии его матери кюны Даллы, в память о которой он носил те зеленые стеклянные бусы, прогнало даже его робость перед огненным лицом ведьмы. – Да! Я продам в рабство его мать, как он продал мою! Это будет достойная месть!

– *Но помни!* – Пламя вдруг взметнулось выше, почти лизнуло кровлю, и люди, замершие на скамьях, с криками подались назад, закрывая головы руками. – *Если ты вздумаешь обмануть меня, присвоить Дракон Судьбы, то участь твоя будет ничем не лучше участи твоего брата Вильмунда! Висеть тебе на дубу пронзенному копьем! И пронзит тебя Торвард сын Торбранда, как старый убийца Торбранд пронзил твоего брата! Запомни!*

На это Бергвид уже не ответил: он сидел, обеими руками вцепившись в подлокотники и остановившимся взглядом впившись в пламя, откуда смотрели на него огненные глаза ведьмы. Месть составляла смысл его жизни; жажда мести текла в его жилах вместе с кровью, ее он ел и пил. Надежда на нее была единственной отрадой его жизни. Ради мести он совершил бы любые подвиги и пошел бы на любые жертвы.

– *Я дам тебе в помощь священный кубок Дракон Памяти!* – пообещала ведьма, и Бергвид снова не верил своим ушам. Этот самый кубок он когда-то отдал ей сам в обмен на покро-

вительство и никак не ждал, что когда-нибудь увидит его снова. – *На то время, которое тебе понадобится, чтобы собрать войско. С ним к тебе придет благословение предков, и все квитты увидят это. Когда твой поход будет победоносно завершен, Квиттинг снова признает тебя своим конунгом. А ты вернешь мне Дракон Памяти. И плохо будет тому, кто пожелает меня обмануть! Завтра на рассвете пойдешь на гору Сэтрберг и возьми его в источнике, что бьет из скалы, под корнями кривого дуба.*

Голос умолк, пламя в очаге успокоилось и снова загорелось ровно.

Глава 2

На восемнадцатый день после того, как Торвард ярл вернулся в Аскефьорд и узнал, что теперь он зовется Торвард конунг, «Крылатый Дракон» уже подходил к священному острову Туаль. Девять дней ушло на дела дома – на «наследный пир», когда поднимали кубки в честь Одина и Фрейра, кубок Браги за павших воинов ³, «поминальный кубок» в честь предков. Несколько дней ушло на отдых дружины и поправку кораблей, до того полгода пробывших в плавании. Кюна Хёрдис, как ни приятно ей было видеть рядом с собой сына-конунга, сама толкала его поскорее отправиться на священный остров – только после этого он станет «самым настоящим» конунгом, и Хёрдис испытывала прямо-таки детское нетерпение скорее довести дело до конца.

Сопровождать конунга отправились представители трех родов «стражей причалов», каждый на лучшем своем корабле и со своей дружиной: Халльмунд сын Эрнольва на своем «Единороге», Альвор Светлобровый из усадьбы Горный Вереск со своим средним сыном Флитиром, на корабле под названием «Медный Дракон», Эйнар сын Асвальда из усадьбы Висячая Скала на «Устрашающем». Сыновья Хродмара ярла из Медвежьей Долины, Фреймар и Ингимар, остались охранять Аскефьорд.

Девять дней ушло на плавание – частью вдоль берега на север, мимо земель племени хэдмаров, потом в море мимо Тюленьих островов и дальше на запад. Завидев остров Туаль, три дня корабли фьяллей шли вдоль берегов острова на запад, потом обогнули мыс и поплыли на север, к устью реки Даны, возле которого располагался священный холм Аблах-Брег, Холм Яблонь, главная цель путешествия. Ночевать останавливались в строго определенных местах, заходя в устья рек. Места стоянок были определены много веков назад, и говорили, что пренебрежение ими означает гибель для чужаков. Правда ли это, никто не знал, но по ночам на фьяллей нападал такой крепкий сон, что ему не могли противиться даже дозорные. Островом правили таинственные могучие силы, подчинявшие себе пришельцев. Сами его берега, каменистые склоны, дубовые рощи и зеленые пастбища на склонах холмов казались необычайными, оживленными и одушевленными не в пример всем прочим. И курганы – огромные подземные дворцы с камнем на вершине, древние, как сама земля. Кто соорудил их и кто в них погребен, оставалось тайной: на памяти людей остров Туаль был заселен уже полторы тысячи лет, но, когда первые поселенцы под предводительством отважной женщины по имени Бель прибыли сюда, курганы уже стояли.

Каждый раз фьялли обязательно оставляли на месте ночлега приношения для здешних духов: хлеб, мясо, пиво. Жителей видели мало: с наступлением темноты те крепко запирались у себя в домах, и только при свете дня с кораблей фьялли иногда видели маленькие фигурки на пастбищах, возле овечьих стад.

Глядя на зеленые холмы-курганы за прибрежной полосой, на каменные развалины непонятных, но внушительных сооружений, Торвард вспоминал все то, чему его учили еще в детстве, и ему мерещилось, что где-то здесь и происходили те грозные события, когда первое копье войны было пущено во вражеский строй:

Один бросил копье против вражеской рати;
То было во дни первой в мире войны —
Разрушился вал возле крепости асов,
Когда осаждали их ваны отважные...

³ Почему кубок за павших воинов назывался именем Браги, бога поэтов, – неизвестно.

Я знаю, как в свете война была первая —
У богов из-за Гульвейг, заколотой копьями.
Сожгли ее после в жилище у Гара,
Три раза сожгли ее, трижды рожденную,
Часто жгут ее вновь, но не гибнет она⁴.

Днем во время плавания, вечером у огня и даже ночью во сне Торварда не оставляли мысли о богине, на землю которой он вступал, — той, что равна в мудрости самому Одину и наиболее любима смертными за сладость ее даров. На острове Туаль ее называют просто Богиня, обозначая этим словом всю полноту женского начала во вселенной. В землях Морского Пути ее зовут Фрейей, но это ведь не настоящее имя, это лишь почетное обращение — «госпожа». Ее зовут Невестой Ванов — Ванабрид, зовут Богиней Ванов — Ванадис, зовут ее и Хёрн — Хозяйка Льна, и Гевн — Дающая, и Мардёлль — Сияние Моря, и Сюр — Золотая Свинья-Солнце, и Гульвейг — Сила Золота. Но подлинное ее имя, как и имя Одина, никто из смертных не знает. Богиня — добрая советчица и опасная колдунья, способная оборачиваться то темным, то светлым ликом. Та, что отдавала свою любовь четырем карлам, хранителям сторон света и духам четырех стихий, а они наградили ее ожерельем, знаком власти над полным кругом бытия. Ибо все во вселенной движется одним и тем же путем: через рождение, становление, смертный уход к новому возрождению. И как не бывает рождения без последующей смерти, так не бывает и смерти без нового рождения. Потому так неоднозначен лик Богини, соединяющей в себе противоположности: она Хейд, Сияющая, и она Бат, Битва. Она — богиня женщин, приводящих в мир новую жизнь, она — богиня воинов, приносящих смерть, и она же принимает в своем небесном чертоге половину всех павших. Но вещи эти не так уж различны меж собой, как может показаться. Ведь и смерть, и любовь по сути есть освобождение от мелкого и повседневного, есть слияние души со вселенной. И имя ей — Фрейя, что значит — Госпожа. Ибо смерти, как и любви, подвластно во вселенной все. Она разделяет, и она соединяет, и обе половины ее существа неделимы, как стороны кольца.

Торвард был не из тех, кто много раздумывает о высоких предметах, но теперь все, чему его когда-то учили, вспоминалось само собой. Сердце его билось, как у молодого парня перед первым свиданием с любимой девушкой. Он думал о богине, а в памяти его всплывали образы всех тех, кого он когда-то любил: от его первой подруги Даллины, дочки его воспитателя Рагнара, у которой теперь уже было трое детей и загрубелые от возни с хозяйством руки, до того изящного, золотоволосого, шаловливого и царственно-гордого существа, которое носило длинное имя Эмер Креде Фираланд, проживало на острове Эриу и прошедшим летом решительно отказывало в благосклонности смертному, который еще не конунг в своей стране. Воспоминания приходили не случайно: с каждого из этих столь разных лиц на него смотрели сияющие глаза богини Фрейи. Сама богиня любила его в образах всех тех девушек, сама богиня обнимала его их руками, и едва ли она упрекнет его в недостатке ответной любви. Он приехал сюда ради встречи с ней, вечной невестой и возлюбленной. Он никогда не отвергал ее даров, а значит, в ее владениях мог рассчитывать на ласковый прием.

Так случилось, что первым человеком из Аблах-Брега, кто увидел корабли Торварда конунга, был тот, к кому он и направлялся. Фрия Эрхина, верховная жрица Великой Богини и правительница острова Туаль, в это утро стояла на берегу, на возвышенности перед свежим курганом матери своего отца, и смотрела в море. Торвард конунг, полный мыслями о том крутом повороте, который так неожиданно произошел в его жизни, не мог и предполагать, что женщина, к которой лежит его путь, теперь переживает то же самое. Ему предстояло впервые получить благословение богов уже в качестве конунга, а ей предстояло впервые призвать на

⁴ «Старшая Эдда», перевод С. Свириденко.

кого-то это благословение в святилище Аблах-Брег. Но только ему этот обряд предстоял в первый и последний раз, а ей – просто в первый, один из многих последующих.

Оба они были молоды, но к перемене своего положения относились совсем по-разному. Для Торварда перемена состояла прежде всего в *потере* отца и конунга, которую понес он и с ним весь Фьялленланд, а для Эрхины – в *приобретении* верховной власти, о которой она мечтала с самого детства.

Островом Туаль и его храмами правили только женщины, передавая власть от матери к дочери, от тетки к племяннице, от бабушки к внучке. Предание говорило, что, кроме восемнадцати сыновей, Харабана Старый и жена его Хальмвейг Жрица имели единственную дочь по имени Меддви. И когда братья ее ушли за моря добывать себе державы, она осталась на острове в середине земли, чтобы служить благословившей их богине. И с тех пор все женщины из ее рода поддерживают священный огонь на вершине Холма Яблонь, передавая благословение своим далеким братьям-конунгам.

У прежней фрии⁵ Эрхины не было дочери, и, когда у старшего из ее сыновей родилась девочка, новорожденную тоже называли Эрхиной, зная, что со временем она унаследует власть над священным островом. С рождения ее готовили к этому, и Эрхина узнала о своем высоком и почетном жребии сразу, как только в ее детском сознании забрезжил первый свет. Двадцать один год она росла под присмотром бабки, воспитывалась под руководством жриц Богини, обучаясь всему, что должна знать наследница всех священных прав и обязанностей Меддви дочери Харабаны. И вот месяц назад фрия Эрхина-старшая умерла, умерла ночью, как умирали все на острове Туаль. Эрхина-младшая, умная, честолюбивая и гордая, одна осталась на вершине Холма Яблонь – больше никто не стоял между ней и Великой Богиней.

Четыре приближающихся корабля она увидела издалека. На том, что шел впереди, был красный парус, но щиты на бортах висели белые. Корабли шли вдоль берега к устью реки Даны, где от причалов отходила дорога к Аблах-Брегу. Время торговцев уже прошло, да и такие большие, роскошные корабли больше подходят конунгу. Появление заморского конунга у берегов острова не удивило Эрхину: его предвещали знамения. Еще перед смертью прежней фрии Эрхины над островом Туаль разразилась гроза, с громом и градом, – одна из тех ужасающих небесных битв, что возвещают освобождение от земных оков великого духа. И старая фрия говорила тогда, что где-то в мире погиб прославленный и сильный человек, воин и правитель. А значит, его преемник вскоре приедет сюда за благословением богов.

И вот ожидаемый гость прибыл, но встречает его не прежняя, а новая фрия Эрхина, совсем недавно в обряде высшего посвящения опоясанная черным поясом – знаком чрева Богини, из которого исходит в мир все сущее. Эрхина разглядывала корабль, идущий первым, в молчаливом упоенном восторге, как ребенок, получивший долгожданный подарок. До сих пор она только осваивалась на своем месте и привыкала смотреть на мир с высоты Трона Четырех Копий – трона, о котором страстно мечтала с десятилетнего возраста. И вот наконец Богиня послала ей возможность показать себя во всем блеске. Ей предстоит тот самый обряд, который ставит ее, наследницу Меддви и лицо Богини на земле, в совершенно особое положение, приносит ей преклонение Морского Пути и островов. Раньше она сама мечтала о власти – теперь другие будут получать из ее рук высшую власть над далекими землями. И не беда, что миновал День Мертвых и наступила зима, – в сердце Эрхины царила весна, полная ликования и самых сладких честолюбивых надежд. Но Богине не к лицу так волноваться, и Эрхина привычно сжала в ладони свой амулет: черный округлый камешек размером с лесной орех, в золотой оправе, на тонкой золотой цепочке висевший у нее на шее. И волнение унялось, душу заполнило гордое, уверенное спокойствие и торжество.

⁵ Фрия – титул правительницы Туаля, означает «госпожа» и образован от того же слова, что и имя богини Фрейи.

Само плавание по реке Дане не занимало много времени – расстояние от ее устья до Аблах-Брега не превышало двух «смен». Если бы река не делала здесь большой крюк, огибая гряду лесистых холмов, то сам Холм Яблонь было бы видно с моря. Возле устья Дана была широка и полноводна, и морские корабли без труда поднимались по ней.

– Вон там завернем за холмы и скоро увидим Аблах-Брег. – Хедин Серый Гусь, один из старых хирдманов, показал Торварду на оконечности речных мысов, поросшие дубом. Сорок пять лет назад он, тогда еще совсем юный воин, сопровождал на священный остров Торбранда конунга, которому едва исполнилось семнадцать. Торвард взял его с собой как своеобразный амулет, знак связи поколений, хотя иного толка от старика уже ждать не приходилось. – Это все его священные рощи. Правда, кажется, тут все рощи священные.

– А откуда же они берут дрова? – мимоходом пошутил Торвард. – Но почему так близко? Я думал, по реке плыть еще долго. Говорят же, что Аблах-Брег лежит в середине острова. Все священные места бывают в середине земли.

– Я думаю, здесь песня немного преувеличивает, – почтительно заметил Сёльви Рассудительный, который после гибели Торбранда конунга перешел в дружину его сына, как неотделимая часть наследства. – Знаешь ведь, как это бывает. Все старинные сказания несколько преувеличивают. Что, конечно, ничуть не умаляет доблести наших предков.

Торвард молча кивнул. Остров Туаль, колыбель конунгов Морского Пути, действительно был в его глазах серединой земли. Каждый человек в течение жизни проходит свои посвящения. Но только одному из тысяч, тому, кто родился наследником конунга и в чьих жилах течет кровь богов, предстоит свое, особое посвящение, всем прочим недоступное. Торвард молчаливо мучился от любопытства: что такое ему предстоит здесь узнать и чему научиться, чего он не знает и не умеет? Что еще есть такое, без чего он не может быть настоящим конунгом? Он и сейчас один из лучших бойцов Фьялленланда, и не много ему в Морском Пути найдется достойных соперников в морском или сухопутном бою. Он знает обычаи и законы, может рассудить любую тяжбу, умеет приносить жертвы, укрощать зарвавшихся «морских конунгов» и отгонять от жилых мест бергбуров, жрущих в голодные зимы людей и скотину. Ему не раз уже приходилось собирать дань, а потом продавать излишки на торгах Винденэса, Придайни и Ветробора: купцы хватались за головы, не в силах переспорить настырного фьялленландского наследника, который очень хорошо знал, чего стоит содержать приличную дружину, и потому торговался за каждый бочонок рыбы или масла так же яростно и неуступчиво, как дрался. Но, выходит, всего этого мало. Так чему же его научит остров, воюющий, по слухам, бронзовым оружием и до сих пор живущий меновой торговлей? Остров, который так мало интересуется окружающим миром, что даже не имеет приличных морских судов и знакомится с иноземцами только тогда, когда они сами приплывают к нему?

Сами туалы почти не покидали остров, не бывали за морями и торговлю вели при посредстве купцов-сэвейгов. Каждое лето те привозили сюда зерно, железо, меха, мед, дорогие ткани и вино с юга, а увозили шерсть, выделанные кожи, лен и удивительные изделия из золота, серебра и бронзы, которыми славились местные мастера. Но сейчас, зимой, причалы и большие гостевые дома стояли почти пусты. Корабли пристали возле луговины, откуда был хорошо виден Холм Яблонь. Возле гостевых дворов располагался маленький храм Богини, называемый Пламя Гостеприимства. В обязанности его служительниц входило встречать гостей, устраивать их и проводить обряды очищения, без которых чужим не дозволялось вступать на землю священного холма.

На склоне Холма Яблонь насчитывалось семь земляных валов. Между нижними валами жило простонародье, вершина принадлежала воинам и жрицам. Торвард слышал о них и раньше, но, впервые увидев эти сооружения, похожие на семь зеленых поясов со сверкающими бронзовыми пряжками ворот, он впервые задумался: а зачем они? Кому придет в голову напасть на священный остров?

Он спросил об этом у жрицы, вышедшей из храма встречать их. Звали ее Блатт. Это была моложавая на вид, стройная женщина с распущенными белокурыми, с золотисто-рыжеватым отливом волосами, с медной фигуркой вепря на обруче, украшавшем ее лоб. Издалека она казалась очень привлекательной, и только глянув ей в лицо, Торвард заметил морщинки в уголках глаз и поредевшие ресницы, говорившие о том, что ей идет пятый десяток. Женщины острова Туаль славятся вечной молодостью и красотой; теперь же Торвард мысленно отметил, что так оно и есть, если не подходить к ним слишком близко.

Разговаривая с ней, Торвард поначалу понимал не много: язык Морского Пути и островов когда-то был единым, но за века изменился везде по-своему. В течение последних столетий остров Туаль теснее общался с уладскими островами, откуда на него приходили беглецы от тамошних усадеб, и в языке его прижилось много уладских слов. Здесь процветали кое-какие уладские обычаи, ремесленные навыки, предания и сказания. Больше половины туалов носило уладские имена, и Ки Хиллаина здесь почитали за более доблестного героя, чем Сигурд. Торвард поначалу испытывал некоторое затруднение: уладских слов он знал много, но в основном бранных, которые в беседе с почтенной женщиной помочь не могли. Однако, хотя и с запинками, поддерживать беседу он был способен и понял главное, когда жрица Блатт разъясняла ему:

– Семь валов соорудил здесь сам Руад Роэсса, Красный Мудрец, Бог Мертвых, Отец Всех Живых, и завещал поддерживать их в порядке. У вас его называют Одним, и другое его имя Альфёдр-Всеотец, и Оллатир значит то же. На уладских островах его знают под именем Дагда. Ты ведь знаешь об этом?

Торвард кивнул. Хорошо был бы конунг, который отправился бы на священный остров за благословением, не зная таких простых вещей! Блатт продолжала:

– Люди острова Туаль в родстве с солнцем. Днем они непобедимы, но ночью – бессильны и беззащитны. Как солнце на ночь укрывается в облака, так ночью люди Аблах-Брега укрываются под защиту священных валов. Поэтому не держи на нас обиды, Торвард сын Торбранда, если с наступлением сумерек двери гостевого дома будут заперты снаружи.

Торвард еще раз кивнул. Здесь были свои порядки, и он, гость, не имел права их судить. Он только посмотрел на вершину холма, где стоял Дом Четырех Копий – огромное здание с красными стенами под свинцовой крышей. Даже издалека было видно, что оно состоит из нескольких просторных помещений и может вместить множество людей. По сравнению с Аскегордом, мало чем отличавшимся от простой усадьбы хёльда, обиталище жрицы и правительницы острова Туаль походило на один из небесных чертогов Асгарда, где в каждом по сотне палат и сотне дверей. Глядя на него снизу, Торвард испытывал волнение, любопытство, даже некое смущение. Убогие рыбацкие лодочки на берегах Даны, сплетенные из прутьев и обтянутые коровьими шкурами, словно говорили: нам нет дела до остального мира. Да и зачем туалетам остальной мир, когда Асгард начинается прямо здесь, на вершине этого холма? Но как он, Торвард, там себя покажет? Это ведь не поход, где требуется только доблесть и острота меча. Это даже не пир у кого-нибудь из конунгов или хёвдингов Морского Пути, где Торварду не было нужды заботиться, какое впечатление он производит: кому не нравится, тот пусть отвернется. Богам угождать приходится, хочешь ты того или нет. Конечно, вытирать за едой руки о колени он уже отучился, но вести себя сдержанно и почтительно, вести вежливую беседу, избегая выражений, уместных только среди хирдманов, для него будет тяжким испытанием. Предчувствуя это, Торвард был непривычно скован и молчалив – впрочем, как и вся дружина.

– Фрия Эрхина сегодня же узнает о вас, – пообещала жрица, уходя из гостевого дома. За ней несли первые подарки для правительницы: несколько связок бобровых шкур и три тканых разноцветных ковра с изображением сказаний.

Но прежде чем ступить на землю священного холма, пришельцам требовалось пройти очищение.

– Есть ли на твоих руках кровь? – спросила у Торварда Блатт, явившись на следующий день.

– До хрена и больше! – не подумав, ляпнул он, изумленный подобным вопросом: а что, какой-нибудь наследник конунга доживает до двадцати пяти лет, никого не убив? И как он не стыдится людям в глаза смотреть?

Но Блатт даже бровью не повела, и ее красивое лицо осталось таким же снисходительно-любезным, только возле глаз, на нежно-розовой коже, обозначилось по три глубокие морщины. А Торвард сообразил, что ему задан положенный по обряду вопрос, который предваряет обязательное очищение в водах священной реки Даны.

– Поскольку твое прибытие пришлось на время зимы, воду можно подогреть и омовение совершить в храме! – Изящной белой рукой с двумя золотыми браслетами жрица показала в сторону Пламени Гостеприимства.

– А я что, на немощного похож? – уже намеренно грубо откликнулся Торвард.

Он видел, что его считают невеждой, и из детского чувства противоречия жаждал выглядеть еще хуже, чем мог бы. Смущение и неуверенность, весьма непривычные для него чувства, причиняли ему досаду, но он пытался переупрямить даже их и потому держался вызывающе. Уже очень давно ему не приходилось делать то, чего он делать не хотел, и трудно было примириться с необходимостью снова, на двадцать шестом году, превратиться в несмысленного ребенка. Понимая, что здесь такие вещи неизбежны, он старался не давать воли раздражению, но только на другой день, под изумленными взглядами туаллов плавая в холодной зимней Дане, почувствовал себя отомщенным.

После очищения в воде фьялли принесли в жертву Богине поросенка, но и тогда чести лицезреть ее земное воплощение пришлось дожидаться еще девять дней. В это время гостей кормили только кашей и хлебом, и то не слишком обильно, – так тоже полагалось. Утешал только очень вкусный медовый напиток и возможность прогуливаться под нижним валом Аблах-Брега. Фьялли потешались, разглядывая плетеные туалльские лодки, которые на их взгляд были слишком уж легки.

– Конечно, чтобы на таких «коровах» по морю плавать, нужна большая смелость! – с мнимым уважением и более явной издевкой говорил ехидный Эйнар сын Асвальда. – Но вот хвалиться ею будешь в основном перед великаншей Ран!

– Много ты понимаешь! – отвечал ему Ормкель Неспящий Глаз, старший из Торвардовых телохранителей. – Они же плавают с благословением богов! С таким и в скорлупе от тухлого яйца поплывешь! А ты тут сиди на веслах, пока все руки не отмотаешь!

Хирдманы рассматривали товары в мастерских, Торвард по привычке оглядывался на стройных местных девушек, но верный Халльмунд своевременным тычком в бок напоминал ему, что он здесь не для этого. Перед встречей с Богиней ему даже глядеть на других было неприлично.

Ожидание тянулось медленно, однако в нем, несомненно, заключался свой смысл. День ото дня Аскефьорд и все привычное, связанное с повседневной жизнью, уходило дальше. Туманной дымкой затягивалось даже то огромное событие, которое сюда его привело. Глядя на крутые валы Аблах-Брега, зеленые и свежие, несмотря на зимний холод, Торвард все больше ощущал себя в Ином Мире, ради встречи с которым и приехал сюда. Мысли его притягивала владычица Аблах-Брега, и он то и дело поднимал глаза к ее жилищу. Там, на вершине чудесной горы, его ждала небесная дева, как Брюнхильд на горе за стеной из огня ожидала Сигурда. Его терзало любопытство, нетерпение, какое-то лихорадочное томление. Как и всей дружине, ему постоянно хотелось есть, и от этого казалось, что душа непрочно держится в теле и вполне готова воспарить к бронзовым воротам Иного Мира.

На десятый день за фьяллями наконец явился военный вождь, риг-фений, как это здесь называлось, с полусотней воинов. При виде бронзовых вебрей на их шлемах вспоминался отрывок старой дружинной песни об одном из предков:

Мощный Торгард рубил
Строй эрулов клинком
И на шлемах врагов
Златых вебрей крушил...

Теперь такое носили только здесь. Все воины были как на подбор: высокие, мощные, с белой кожей, румяными лицами, с длинными волосами такого же белокуро-рыжеватого цвета – иного на острове почти не встречалось. Вождь, Ниамор сын Брана, крепкий мужчина лет сорока семи или сорока восьми, выделялся позолоченным вебрем на шлеме, высоким ростом и какой-то добродушной наглостью всего облика. Как видно, среди героев острова Туаль он давно уже не имел себе равных и почти забыл, что такое настоящее соперничество. Торварда он окинул поначалу снисходительным самоуверенным взглядом и несколько помрачнел, обнаружив, что тот не уступает ему ни ростом, ни сложением. И уж верно, Ниамор сын Брана давно при подобном осмотре не встречал в ответ взгляда, столь откровенно оценивающего возможности его собственного оружия и телосложения.

Смотрелись туалы величественно и грозно, но, на взгляд фьяллей, при своем росте и крупных мышцах эти здоровяки в бою будут недостаточно подвижны, а оружие, их, очень красивое, мало на что годилось. Его составляли длинный меч, копье с бронзовым наконечником и большой, вытянутый шестиугольный щит с изображением вебря на бронзовом умбоне. В битвах Морского Пути проворство ценилось не меньше, чем сила, а огромные тяжелые щиты делали туалов малоподвижными и почти беспомощными. Из них можно составить отличную «стену щитов», но она будет почти так же прикована к месту, как настоящая каменная крепость!

Вслед за провожатыми фьялли вступили на священный холм. Семь пряжек-ворот на зеленых поясах укреплений Аблах-Брега по очереди распахивались перед ними, и возле каждого толпился народ. Гостей из-за моря разглядывали, приветствовали криками: для туалов первый Обряд Благословения их новой фрии был особенным праздником, примерно как свадьба конунговой дочери в какой-нибудь из стран Морского Пути. О девственности жрицы столь высокого посвящения, конечно, говорить не приходилось, но благость Богини, которую она призвана дарить, еще лежала нерастраченной. Фьялли, ради такого случая одетые в свои лучшие одежды, при виде нарядной толпы чувствовали себя уж слишком неотесанными, «домоткаными», как выразился Халльмунд, и только сам Торвард, выбритый, с расчесанными и заплетенными волосами, с золотыми пряжками даже на сапожных ремнях, одетый в шелка и шитье из недавней уладской добычи, очень уверенно и даже небрежно попирал сапогами священную дорогу к небу. И туалы с ликованием встречали молодого конунга фьяллей, которому достанется первый дар их госпожи и богини; и, если не считать черных волос и смуглой кожи, он был достоин этого, как никто другой!

У дверей Дома Четырех Копий фьяллей встретил рев длинных медных труб, раструбы которых были выкованы в виде головы того же вебря с широко разинутой пастью.

– Ну, конунг, сделай удивленное лицо, доставь людям удовольствие! – умолял из-за плеча бессовестный Эйнар, но на лице Торварда отражалось скорее любопытство с примесью вызова.

Под звуки труб их повели внутрь. Огромный дом состоял из пяти помещений: одного в середине и четырех по сторонам горизонта. Они так и назывались: Западный Покой, Восточный Покой и так далее.

– Восточная Земля славится изобилием, – рассказывала встречавшая их жрица по имени Фрейунн, с зеленым поясом второго посвящения, с серебряным ведром на обруче. – А Южная Земля – родина музыки.

Восточный Покой украшали огромные венки из пшеничных колосьев и цветов, еще почти свежих, оставшихся от последнего праздника урожая; здесь же стояли на подставках разнообразные котлы, серебряные, бронзовые, медные, узорные кубки, старинные бычьи рога, окованные золотом, – священные знаки изобилия и богатства. На стенах Южного Покоя красовались арфы и трубы, и на почетном месте возвышалось сиденье из резного дерева с золотом – место старшего, самого искусного певца Аблах-Брега. Во всех покоях толпился народ: жрицы, воины, певцы, ремесленники, из которых каждый знал только свое дело, сообразно которому и определялось его место в этом доме. Фьяллям это разделение занятий казалось самой значительной приметой священного острова Туаль. В Морском Пути не сложилось особого сословия жрецов: жертвы приносил сам хозяин, а для всего прочего в любом большом доме или в ближайшей округе уж обязательно находились умельцы – кто-то толковал сны, кто-то заговаривал болезни, кто-то знал руны. И этот остров, где жили служители богов, не знающие никакого другого ремесла, выглядел какой-то переходной ступенью между земным миром и небесным.

При взгляде на эти богатства невольно захватывало дух: удачливый завоеватель взял бы здесь поистине легендарную добычу. «Не так-то все просто! – думал Торвард, слыша за спиной топот воинов с их тяжелыми щитами. – За все эти сокровища есть кому постоять». И он понезаметней дернул за плащ Арне Пёстрога, глаза которого горели уж слишком откровенной жадностью.

В Срединном Покое жила Власть, олицетворенная самой хозяйкой Дома Четырех Копий – фрией Эрхиной. Ее трон, искусно вырезанный из черного дуба и украшенный резными костяными пластинками, стоял на огромном высоком камне. Про этот камень Торвард знал: он называется Фаль и издает пронзительный крик, если к нему прикоснется человек не из рода Харабаны Старого. По бокам к трону были прислонены четыре священных копья с наконечниками из разных металлов: золота, серебра, бронзы и меди. Древко у каждого было выкрашено в другой цвет. Над спинкой трона возвышалась серебряная ветка яблони, с белыми бубенчиками в виде цветов и с серебряными листьями, – знак власти над Иным Миром.

Но прежде всего в глаза бросалась сама фрия Эрхина, одетая в яркий алый шелк и похожая на язык пламени. На груди ее сияло тяжелое золотое ожерелье, руки до самого плеча были унизаны браслетами, голову украшал золотой обруч с маленькой золотой же головкой веоря.

Едва глянув ей в лицо, Торвард внутренне вздрогнул от неожиданности: его поразили ее молодость и красота. Почему-то ему казалось, что столь высокопоставленная женщина должна быть уже старухой. Увидев свежее лицо девушки лет двадцати, он подумал, что она, как видно, не имеет возраста и остается вечно юной, как сама Богиня, – и это показалось ему истинным чудом, тем самым, ради которого он плыл чуть ли не на край земли и проходил эти длинные очистительные обряды.

На Торварда пристально смотрели ясные, полные гордого блеска голубые глаза. Лицо у нее было округлое, с высоким лбом и яркими губами, и каждая черта в нем дышала юной здоровой свежестью. Волосы, густыми волнами падавшие ей на колени, имели удивительный оттенок, рыжеватый и даже скорее розоватый, словно их окрасили лучи зари. Фрия Эрхина сидела чуть небрежно, опершись одной рукой о подлокотник трона и подпирая подбородок пальцами, на которых сверкали золотые перстни удивительной тонкой работы – из тех легендарных сокровищ, совершенство которых недоступно слабым человеческим глазам и предназначено для всеведающего взора божества. Во всем ее облике было столько блеска, столько гордого достоинства и притом непринужденности, что Торвард на миг онемел, а потом подумал о том, о чем ему сейчас думать не следовало. Обряд благословения нового конунга по

сути является заключением священного брака между Конунгом и Властью, которую воплощает верховная жрица Аблах-Брега. Подробностей непосвященные, к которым относились и наследники конунгов, не знали, и Торварда вдруг одолело настойчивое любопытство: сколько в этом обряде будет условного и сколько настоящего? Хотелось бы, чтобы побольше последнего. Торвард сын Торбранда робостью не страдал: любое восхищение рождало в нем желание более тесного знакомства, и ему уже хотелось подойти к этой живой богине поближе. Все прочее для него исчезло: казалось, что в этом большом и шумном покое они с ней только вдвоем.

Эрхина, в свою очередь, с высоты трона рассматривала нового конунга фьяллей. Смуглая кожа, черные волосы и темные глаза гостя поначалу неприятно поразили ее: на острове Туаль смуглыми и черноволосыми были только чужеземные рабы да еще злые духи. Но, приглядевшись, она изменила свое мнение. Высокий, с широкими плечами, где под красной шелковой рубахой с нарядной золотой вышивкой четко прорисовывались мощные мускулы, с блестящим поясом, крепко обвившим стройный стан, с длинными ногами, где даже на кожаных ремешках блестели маленькие золотые пряжки, Торвард выглядел не слишком юным и не слишком старым – он был как молодой бог, выходящий на свои первые битвы. Кривой белый шрам на правой щеке, шедший от угла рта до самой челюсти и хорошо заметный на смуглой обветренной коже, украшал его в глазах туалов, для которых достоинство воина измерялось количеством полученных ран. И лицо его, открытое, умное, полное нескрываемого изумления и восторга перед ней, вдруг так понравилось Эрхине, что она улыбнулась ему с высоты. Блестящие карие глаза смотрели на нее из-под густых черных бровей с таким пристальным вниманием и восторгом, что от новизны и приятности этого впечатления у нее сильно забило сердце. Его присутствие вдруг взволновало ее, наполнило ожиданием чего-то особенно яркого и радостного, далеко превосходящего все ее честолюбивые ожидания.

– Приветствую тебя на священной земле острова Туаль, Торвард сын Торбранда, в его сердце, на священном холме Аблах-Брег, – сказала она, с удовольствием вслушиваясь в свой звучный и ясный голос. – Благополучен ли был твой путь?

– Приветствую тебя, фрия Эрхина, прекрасное лицо Аблах-Брега, – ответил Торвард, и его голос, низкий и немного хрипловатый от волнения, задел какую-то тонкую струнку в сердце хозяйки, отчего все происходящее показалось ей еще величественнее и прекраснее. – Каков бы ни был мой путь, его трудности не покажутся чрезмерными ради счастья видеть тебя.

И предписанные обычаем слова прозвучали совершенно искренне, что редко бывает при таких торжественных обрядах.

Вслед за тем фьялли выложили подарки, тоже предписанные обычаем: медвежьи шкуры, бочонки с медом, серебряные блюда и кубки. Десяток свиней, которых, конечно, не пригонишь к подножию трона, заранее были отправлены в хлев на задний двор. (И, как отмечал Эйнар, удостоились чести быть принятыми на вершине холма гораздо раньше, чем их благородные дарители.)

В этот день был устроен пир, на котором мясом тех самых свиней угощались гости и хозяева. На очаг поставили огромный серебряный котел на бронзовых ножках, вокруг которого развели жаркий огонь. Котел для священных пиров был так древен, что еще сам Эохайд Оллатир, должно быть, пировал вокруг него со своими сыновьями, провожая их за море на поиски новых земель. Чеканный узор на его боках изображал древних богов, благословляющих этот пир и получающих свою долю жертв. На вечный пир пришла Великая Богиня в окружении вепрей, собак и грифонов, Один-Оллатир с колесом и молотом, знаком грома и молнии, рогатый бог в окружении оленей, которого здесь называли Фер Кайле, то есть Лесной человек. Здесь же оказался и бог мертвых, погружающий фигурки убитых воинов в огромный волшебный котел и достающий их оттуда ожившими. Воины, строем удалявшиеся от него, несли на головах такие же круглые шлемы с фигурками вепрей, как и у нынешних воинов Эрхины, и

воскресение их для новых битв приветствовали звуки таких же длинных труб с мордами вепря, как и те, что встречали фьяллей во дворе...

Даль времен исчезала: каждый из нынешних гостей Дома Четырех Копий чувствовал себя сыном того юного, растущего и расцветающего мира, у которого еще все впереди, в котором еще так много неосвоенных земель и непобежденных чудовищ, где только закладываются образцы доблести и славы для сотни последующих поколений. Живое человеческое время кончалось возле этого котла: он был как источник жизни, из которого вытекает неизменное Вечное Время. Цепь поколений сжималась, сворачиваясь вокруг его серебряных боков, и каждый из новых конунгов снова становился тем юным сыном, которого провожает в далекий и славный поход сам Эохайд Оллатир, бог мертвых и отец всех живых.

– Хотелось бы мне занять тебя беседой, Торвард сын Торбранда, чтобы время ожидания не показалось тебе чересчур долгим, – начала фрия Эрхина, когда гости расселись за столами. – Поговорим же с тобой о том, что и всем этим людям покажется занятым и поучительным.

– Охотно я поговорю с тобой о том, что покажется занятым и поучительным, – ответил Торвард, знавший, что имеется в виду. – О чем тебе хотелось бы меня спросить?

От суеты и шума, от пышности и блеска, а еще больше от красоты Эрхины он повеселел и уже не чувствовал смущения. Теперь все обрядовые условности просто казались ему глупостями, на которые жаль тратить время. Да неужели бы он без подсказок не нашел, чем развлечь такую красавицу? Опомнившись от первого изумления, Торвард разглядел, что хозяйка на несколько лет моложе его самого, а ее пышная грудь, тонкая талия, длинные ноги и белые ухоженные руки поворачивали его мысли во вполне определенном, привычном направлении. Не отдавая себе в том отчета, он всем существом настроился на то, что его троюродная сестра йомфру Инга-Ульвина называла «ухлестывание». Положение Эрхины вынуждало его соблюдать внешнюю благопристойность, но смысл происходящего от этого не менялся. Вся пышность этого приема предназначалась для него; ради него собрались гости, ради него ревели медные трубы-вепри, и даже сама Богиня приняла тот облик, который был ему наиболее приятен. В блеске глаз Эрхины, в ярком румянце щек, в цветении пухлых губ Торвард видел ту же готовность к любви, то же притяжение горячей молодой крови, которое наполняло его самого. На этот счет он никогда не ошибался и легко угадывал женщин, которые охотно пойдут ему навстречу. Это был его день, и даже на Богиню он смотрел взглядом мужчины.

В повседневной жизни Торвард никогда не сидел так ровно и прямо, не избегал лишних движений и не выражался так возвышенно и правильно, тщательно следя за своей речью, дабы ненароком не оскорбить слух Богини словечком из дружинного обихода. Сейчас это было необходимо, но он чувствовал себя как в оковах, томился, жаждал, чтобы это поскорее кончилось, – но не хотел окончания пира, который уведет его от Эрхины. Повстречай он такую красавицу с волосами цвета зари где-нибудь на пиру в Винденэсе или в Островном Проливе – он уже давно подошел бы к ней поближе, сел бы поудобнее и поговорил бы о том, что позабавило бы их обоих. Но здесь приходилось считаться с местными порядками и вести беседу, как скучную, так и необходимую.

– Хотелось бы мне спросить: что говорят мудрые люди Фьялленланда о том, откуда появились на небе солнце и луна? – с привычной невозмутимостью вопрошала Эрхина.

Глядя на нее, Торвард про себя дивился, как хорошо она умеет придавать важность разговору о том, что всем давно известно. Лучше бы она его спросила, как он этим летом сходил на Эриу – вот там занятого случилось сколько угодно!

– Когда был я мал, мудрые люди учили меня: жил один человек, и звали его Мундильфари, – мужественно скрывая тоску, завел Торвард. – У него было двое детей, столь светлых и прекрасных ликом, что дочь свою он назвал Солнцем, а сына – Месяцем...

Беседа продолжалась: каждый конунг, желающий получить благословение богов, сначала должен доказать, что знает этих богов и тот мир, который они устроили. Особой премудрости в этом нет: все дети знатных родов учатся этому еще до того, как получают меч. Солнце и месяц, ход звезд и течение ветров, палаты богов и сокровища, которыми они владеют, – все это было давно затвержено, и Торвард отвечал, почти не думая, а только глядя на Эрхину, любуясь ее лицом и вслушиваясь в звук ее голоса. Эрхина встретила его взгляд, в котором отражалось многое, но не мысли о первых великанах из Бездны, – и вдруг смутилась, по лицу ее прошла легкая тень, она запнулась и не сразу вспомнила свой следующий вопрос.

– Хотелось бы мне узнать, как звался первый конунг Фьялленланда и каковы были его деяния? – все же нашлась она, но в ответ на ее смятенный взгляд Торвард весело улыбнулся.

– Первый конунг Фьялленланда звался Торгъёрд, и был он сыном Харабаны Старого и Хальмвейг Жрицы, – отвечал он, почти не пытаясь подавить улыбку, совсем не вязавшуюся с обрядом, на что ему было наплевать. Он видел, что она угадала истинное направление его мыслей, и эта ее догадливость послужила очень благоприятным знаком.

Эрхина глянула на него с упреком: он портил обряд, он сбивал с толку ее саму, но она не могла сердиться. Этот человек, и видом, и поведением так непохожий на то, к чему она привыкла, сам казался таким огромным и достаточным, что мог быть соперником обряда, а не его рабом. Ее пронизывала дрожь, чувство неуверенности, беспокойства – и это на ее собственном троне! Как осуществляется слияние мужского и женского начал во вселенной, Эрхина знала прекрасно, но вот человеческой влюбленности ей было научиться негде. Любви вне храма она не знала и оттого не понимала природы собственного волнения. В этом Торвард оказался гораздо умудреннее.

– От него осталось в наследство три вещи: это щит, амулет-торсхаммер и кубок, – продолжал Торвард, теперь уже с намеренной важностью в голосе, но смотрел на нее, словно говорил: и дались тебе эти глупости! – Вот этот кубок.

Торвард сделал знак, и Сёльви вынул Кубок Кита, тот самый, что кюна Хёрдис подавала сыну при встрече. Эрхина слегка наклонилась со своего высокого сиденья, стараясь сохранять на лице невозмутимо-внимательное выражение. Уже сорок раз этот кубок привозили сюда из-за моря и показывали перед Троном Четырех Копий – именно он был свидетельством рода и права на власть.

– А вот амулет моего рода.

Торвард поднял руку, расстегнул маленькую золотую застёжку на воротах рубахи, мелькнула полоска смуглой кожи на груди – он вынул из-под одежды торсхаммер на ремешке, но этому простому движению он каким-то неприметным образом сумел придать такой смысл, что Эрхина со смятием ощутила, что кровь приливает к ее щекам. Это уже слишком!

И вот тут она кое-что поняла. Ее волнение было вызвано влечением, а на человека, который его внушает, невозможно смотреть сверху вниз! С самого начала он перевернул весь обряд: гость прибыл сюда *получить* от нее священный дар, а вместо этого *предлагал* свой. Это дерзкое своеволие смущало и сердило Эрхину, выбивало у нее землю из-под ног, и она просто не знала, что ей об этом думать.

– Хотелось бы знать: кто были дети Торгъёрда конунга? – строгим, звенящим от волнения и гнева голосом спросила она, но ее негодующий взгляд встретился с веселым, блестящим взглядом темных глаз, ничуть не смущенных. А упрекнуть его вслух означало бы признать, что его неуместные поползновения достигают своей цели!

– Дети Торгъёрда были Тордьярв Сокрушитель, Тормунд Отважный и сестра их Гленхильд Белорукая...

Сорок поколений своих предков Торвард знал на память. Иначе нельзя: знание своего рода дает право требовать наследство. Перечисляя их, он все же отчасти устыдился перед предками своего легкомыслия и стал держаться строже. Эрхина вздохнула с облегчением: она никак

не ждала таких сложностей от этой беседы, самой простой части обряда! Ничего из им сказанного для нее не являлось новостью, и это подкрепило ее уверенность – она опять чувствовала себя Богиней, милостивой и всеведающей.

Конечно, она не могла помнить наизусть всех конунгов, ведших свой род от восемнадцати сыновей Харабаны Старого. В те дни, пока фьялли ждали встречи с ней, она слушала предания о потомках Торгъёрда Принесенного Морем, и все это еще было свежо в ее памяти.

Но оставалось кое-что, чего не знали даже туалские певцы, хранившие в памяти все предания Морского Пути.

– Хотелось бы мне узнать: как кончил свой путь по земле твой отец, Торбранд сын Торорда? – задала она вопрос, когда имена тридцати девяти предков были названы.

Это означало, что пора переходить к главной цели этой встречи. Прежде чем новый конунг будет введен в храм, Богиня ушами своей верховной жрицы должна услышать, как окончил свой жизненный путь прежний. Каждый из наследников приезжал сюда с песней о смерти своего предшественника, а певцы-хранители Аблах-Брега запоминали ее и передавали дальше. Их жило здесь несколько десятков, и все вместе они составляли неповторимую, огромную, хранимую только в человеческой памяти летопись королевских родов Морского Пути и островов.

Для исполнения песни Торвард привез с собой Флитира, сына Альвора Светлобрового из усадьбы Горный Вереск, носившего прозвище Певец, потому что он обладал самым звучным и красивым голосом в Аскефьорде. Флитир, в свою очередь, привез с собой арфу: особую, только для самых торжественных случаев, уладской работы, украшенную узорами из золотой проволоки, врезанной в дерево. Песня, которую ему предстояло спеть, была совсем еще новой, и до того она звучала только два раза: в первый раз над курганом Торбранда конунга при погребении, второй раз – в гриднице Аскегорда, когда сам Торвард узнал, как погиб его отец. Складывали ее Эрнольв Одноглазый и один из слэттов, Скельвир Медвежий Дух, – очевидцы тех событий.

Флитир поставили резную скамью возле очага, перед кипящим котлом, и он начал рассказывать, трогая пальцами струны арфы, словно проверяя, готовы ли они:

– Конунга звали Торбранд сын Торорда. Он много воевал на Квиттинге и принуждал квиттов платить ему дань. Другого конунга звали Хеймир, он правил в Слэттенланде. Сын его звался Хельги, и он сильно досадовал, что Торбранд конунг собирает с квиттов такую большую дань. Эйра, племянница Торбранда конунга, была с ним. Хельги с ней обручился, и они любили друг друга очень сильно.

После вступления Флитир тронул струны арфы и запел:

Битвы властитель,
вождь Фьялленланда,
Торбранд сидел,
пируя с дружиной.
Много побед
одержал он в сражениях,
дани взял много,
сокровищ квиттингских.
Гость появился
в ночь полнолуния,
в час, когда кубки
богам посвящались.
«Место найдите
для гостя ночного» —

так велел конунг
дружине отважной.
«Кто ты, о гость наш? —
стал он расспрашивать. —
Что привело тебя
к нам, ты поведай».
«Имя мне – Хельги, —
было ответом. —
Славного Хеймира
сыном зовусь я.
Путь свой недаром
спешил совершить я.
Дани немало
собрал ты у квиттов.
Право на это
мечом подтверди-ка!
Или отсюда
ступай восвояси!
В доме ты держишь
юную деву,
ликом прекрасней,
чем солнце сиянье.
В жены возьму я
Эйру-провидицу,
или нам миром
с тобой не расстаться!»
«Давно уж не слышал я
смелого вызова, —
конунг ответил
на речь его дерзкую. —
Много соперников
в жизни встречал я.
Отказа от битвы
давать не случалось!»
Выбрали конунги
место сражения —
там, где железные
горы встречаются,
там, где ручей
устремляется в озеро,
золотом блещут
воды текущие.
Вышли на битву
могучие воины
в час, когда Суль
край небес озарила.
Дева прекрасная
в ярких нарядах

и моря сиянье ⁶
служили закладом.
Меч вынес Торбранд,
Битвы Чудовище,
Черный Дракон
его было прозвание.
Руны Победы
в сталь были вплавлены,
пал великан
от клинка его острого.
Горы дрожали
при звуках сражения,
волны озерные
бились о берег.
Черный Дракон
пал из твердой десницы,
срок его службы
Торбранду кончился.
«Славься ты, Один!
И славьтесь, валькирии!
Хельги за помощь
отплатит вам жертвами!
Квиттинг, отныне
лишь мне ты подвластен!
Моя ты, о Эйра,
невеста желанная!»
Слэтты ликуют
на свадьбе у конунга,
фьялли справляют
пиры погребальные.
Кубки и копья,
и меч великаний
в курган за собою
берет повелитель.
Курган возведен был
на землях пустынных,
на юго-восток
от долины Турсдален.
Ельник на склонах
рыдает по мертвому,
слезами ручьи
тот курган омывают.
Меч на коленях
у конунга павшего
дремлет до часа
к живым возвращения.
Ничто не сильнее,

⁶ Сияние моря – кеннинг золота.

чем норны решение:
выйдет однажды
Дракон из могилы.
Было предсказано
Девой Небесною:
меч тот достойный лишь
в руки получит.
Славьтесь, героев
могучих деяния.
Свидетелем Один,
Что песня правдива.

Торвард, уже знакомый с «Песней о Торбранде и Хельги», во время исполнения неприметно оглядывал лица слушателей. Было видно, что песня нравится, и Торвард мысленно еще раз поблагодарил Эрнольва Одноглазого, определявшего, что должно в нее войти, и слэттенландца Скельвира, умелого и прославленного скальда, который подбирал слова и складывал строчки.

– Ты привез нам драгоценный дар! – сказала Эрхина, когда последний отзвук струн затих под высокой кровлей. Она заговорила не сразу, и ее голос среди тишины общего молчания показался чудесным ответом на пение струн, голосом другой, волшебной арфы из Иного Мира. – Доблесть – лучшая жертва, которую смертный может принести богам, и дар твоего отца угоден небу. Великий Бог наш Альфёдр-Оллатир с честью встретил его в своем чертоге, и на тебя, его сына, пошлет свое благословение.

– Я горжусь моим отцом, – негромко и просто ответил Торвард. Это были не обрядовые, а его собственные слова, и оттого они прозвучали особенно убедительно. – Скорее я умру, чем опозорю его память.

– Обычай Богини требует доказательства, что все эти люди действительно были твоими предками и в жилах твоих течет кровь Харабаны Оллатира, – сказала Эрхина, и голос ее звенел от внутреннего волнения, придавая всему происходящему ощущение настоящей иномирности.

Наступил срок последнего на сегодня испытания, которому непременно подвергнется всякий новый конунг.

По знаку Эрхины Торвард встал и приблизился к трону. Эрхина спустилась по трем ступенькам и заняла место сбоку – там, где ступеньки не мешали видеть черный камень Фаль, положенный в основу Трона Четырех Копий. Теперь, когда они оказались рядом, Торвард смотрел на нее сверху вниз, и Эрхина была смущена этим непривычным соотношением, чувствовала тревогу и какую-то странную отраду. Исходящее от него тепло согревало ее, но она боялась этого удовольствия как угрозы своему достоинству. Захваченная вихрем новых и таких неожиданных чувств, она едва вспомнила, что должна говорить дальше, но это же волнение согревало и по-особому воодушевляло каждое ее слово.

– Гибель ждет любого, кто прикоснется к священному камню, не будучи потомком Харабаны Оллатира, и криком гнева отвечает камень на прикосновения недостойных рук! – торжественно предупредила Эрхина. – Если ты из рода Харабаны, то положи руку на камень, и молчание камня будет подтверждением твоих прав.

Камень Фаль был так высок, что к нему можно было прикоснуться, не наклоняясь. Торвард положил руку на бок камня, все затаили дыхание: крик камня считался одним из главных здешних чудес, но никто из ныне живущих его не слышал. Эрхина с бьющимся сердцем глянула в невозмутимое лицо Торварда: на нем не отражалось ни волнения, ни смятаения. Торвард сын Торбранда принадлежал к тем людям, кому никогда в жизни не приходится сомневаться в своих правах и достоинствах. Его смуглая обветренная рука, сильная, с длинными

крепкими пальцами, со множеством отметин от каких-то мелких порезов и ссадин, лежала на черном камне и сама дышала уверенной властью. Такие руки богами предназначены для того, чтобы держать племена и земли.

А Торвард глянул на Эрхину и задержал взгляд на маленьком черном камешке в золотой оправе, висевшем у нее на груди. В мыслях мелькнуло: этот камень тоже священный, и к нему тоже нельзя прикасаться никому, кроме рода Харабаны? А иначе он кричит, оберегая честь фрии?

– Камень Фаль признал твое право на власть, Торвард сын Торбранда! – с торжеством и ликованием провозгласила Эрхина. В ее голосе звучала такая искренняя радость, словно испытание прошла она сама, и это восклицание очень вовремя прервало лишние и неуместные мысли Торварда. Увы – как и его драгоценной матушке, проникнуться возвышенным и благоговейным духом ему не удавалось даже в самые торжественные мгновения.

– Я рада приветствовать тебя в Доме Четырех Копий, – снова сказала Эрхина и замолчала, точно забыв, что дальше.

Даже сын конунга из Морского Пути в ее глазах был диковатым невеждой, к которому нужно относиться снисходительно, но от Торварда веяло силой, которая в снисхождении не нуждалась. Внутренняя прямота, гордость, искренность, самобытная уверенность гостя окутывали ее облаком странного, прежде не испытанного обаяния, и хорошо заученный обряд рассыпался в памяти, отдавая ее во власть чувства.

Справившись с собой, Эрхина отошла и сделала знак кравчему. Ей подали кубок с темным красным вином, привезенным из далеких южных земель. Она и Торвард стояли друг против друга, перед огромным древним котлом с серебряными сказаниями на боках, который был так велик, что они оба могли бы поместиться в нем. Торвард смотрел на нее с каким-то прямым, воодушевленно-требовательным чувством, словно собирался поцеловать; ничего такого сегодняшние обряды не позволяли, но само это желание, почти не скрываемое, наполняло ее непривычным смятением. Он не умел – или не хотел – держать себя перед ликом Богини как подобает, и Эрхине никак не удавалось преодолеть его диковатое обаяние.

– Время всегда возвращается к вечности. Прими кубок Харабаны в память твоего отца, Торбранда конунга! – сказала она и, немного плеснув из кубка на угли очага, отпила из него сама, а потом протянула Торварду.

Красное вино текло по узорным бокам золоченого кубка, красные ручейки, похожие на кровь, бежали по ее рукам, по белым рукавам, по золотым обручьям. Торвард принял кубок, тоже плеснул на шипящие угли, ответившие облачком белого пара, и прикоснулся губами к краю. Ему казалось, что этот кубок связывает их: они, двое живых, были едины перед лицом ушедших поколений и связаны с ними в общей цепи человеческого рода. Время возвращается к вечности, и он, наследник конунгов Фьялленланда, вслед за этой женщиной, устами которой с ним говорила богиня, вошел в вечность, чтобы подхватить и нести дальше эту священную цепь.

Пир продолжался только до сумерек, а с приближением темноты фрия попрощалась с гостями и удалилась, вслед за чем их проводили вниз с холма, в гостевой дом. Такой порядок фьяллям казался непривычным: в Морском Пути день посвящали насущным делам, а веселиться начинали с наступлением ночи. Но тут, как видно, жертвенные пиры и были главным делом.

– Они боятся чужих, потому что с наступлением темноты теряют силы, – рассуждал Сёльви. – Я, правда, думал, что это «лживая сага», но похоже, что так оно и есть.

– Говорят же, что они в родстве с солнцем, – напомнил Хедин. – Вот и выходит: солнце спать – и они спать. А днем с ними не справиться!

– А пробовали? – с намеком спросил Хальмунд.

Пока дружина обсуждала увиденное и услышанное, Торвард ушел в дальний угол к лежанке, кое-как побросал на скамью одежду и украшения и улегся, закинув руки за голову и глядя в темную кровлю. Оруженосец Регне расстегивал ремни и стаскивал с него башмаки, а Торвард даже не замечал. Говорить не хотелось, думать ни о чем не хотелось. Перед глазами и в мыслях у него была одна Эрхина. Образ ее двоился, она казалась человеком и божеством разом: он помнил ее живые, блестящие глаза и светлые, красиво изогнутые брови так близко от своего лица, помнил мимолетное, скользкое прикосновение ее рук, когда она передавала ему кубок Харабаны, – но помнил ее и на Троне Четырех Копий, вознесенную над Срединным Покоем, над людьми и над землей, сияющую в своем ало-золотом наряде, как заря на небесах. Ее лицо было сверкающей звездой, и при мысли о ней у Торварда перехватывало дыхание. В его жизни случилось что-то такое, что даже важнее благословения на власть, ярче, радостнее, драгоценнее, и меняло жизнь так же решительно и бесповоротно.

Предстоящая ночь казалась длинной, как целая зима. Эту долгую ночь надо как-то пережить, прежде чем он снова увидит ее. Ожидание новой встречи не давало ему спать. Теперь она будет ждать его не в Доме Четырех Копий, а в храме Аблах-Брега, и там не будет толпы. Будут только они вдвоем, он и Эрхина, Конунг и Власть. Он сможет подойти к ней поближе и узнать наконец, кто же она, женщина или богиня. Торвард горел, ворочался всю ночь, не давая спать Халльмунду и Сёльви, но они не жаловались, догадываясь о его состоянии.

Наутро за ними снова пришли. По-вчерашнему одетые в самые лучшие одежды, фьялли отправились на Холм Яблонь, но теперь их повели в другую сторону: не к Дому Четырех Копий, а к большому яблоневому саду на самой вершине холма. У ворот его все сопровождающие остались, внутрь Торвард вошел один.

Окованные узорными бронзовыми листами ворота закрылись за ним, впереди раскинулось широкое пространство, покрытое зеленой травой и поросшее старыми яблоневыми деревьями. Перед глазами зеленела обильная листва, как летом, тропинки под ногами не имелось, и Торвард помедлил, не зная, куда идти. В отличие от вчерашнего, испытания сегодняшнего дня были для него полной загадкой: обо всем, что происходит за воротами сада, непосвященным знать не полагалось, и предыдущие гости Сада Богини молчали о пережитом. Этот путь каждый проходит сам. И возможно, каждый видит здесь что-то особенное, только свое. Ведь здесь – Иной Мир, а он к каждому поворачивается новой, неповторимой стороной, потому-то рассказы побывавших в нем так несхожи.

И потому говорят еще, что на самом деле Иной Мир не на островах западного моря и не под большими холмами, а внутри человеческой души.

Вокруг начало темнеть. Торвард в изумлении поднял голову: только что было утро, ясное утро ранней зимы, но небо затянула пелена темного тумана, в яблоневый сад спускались сумерки. У Торварда похолодела спина. Что это значит? То ли у него темнеет в глазах, то ли он стоит тут уже целый день, а не несколько мгновений, как казалось... В Ином Мире и время идет иначе. Здесь все иначе...

Внезапно Торвард почувствовал себя слабым и растерянным, беспомощным перед чарами, которые плелись вокруг. Вдруг вспомнились первые отроческие посвящения, когда он, двенадцатилетний подросток, был оставлен в глухом лесу бергбурских предгорий... и вместе с тем пришло успокоение. Ведь он справился тогда, справлялся много раз и после, а значит, справится теперь. Он не мальчик, он взрослый мужчина, один из лучших бойцов Фьялленланда. Вспомнилась мать, ее ехидная усмешка, правая бровь поднимающаяся выше левой. Кюна Хёрдис подмигнула ему издалека, и Торвард почти повеселел. Его мать видала виды и похуже. Не ему, сыну ведьмы, прошедшей через пещеру великана, бояться сумерек яблоневое сада.

Стало совсем темно, и он уже не видел ни ворот позади, ни деревьев, ни земли, ни неба. Потянуло тревожным холодком – то ли сквозняком, то ли запахом влаги, то ли какой-

то внутренний ток пронзил его, но Торварду вспомнились ночи после битвы, темные долины и пустоши под догорающим желто-розовым закатом, заваленные горами мертвых тел, где он бродил со своими хирдманами, выискивая раненых и поднимая трупы, которые надо хоронить... В ушах зазвучали резкие выкрики воронов, где-то очень далеко завывали волки, предъявляя права на свою долю жертв... Волосы шевелились, по спине продирало холодом и жутковатым ощущением близости божества. Даже старые шрамы снова заболели: заныли сломанные ударом копья два ребра с левой стороны и вмятина на левом бедре, откуда наконецник стрелы когда-то вышел вместе с куском мяса, напомнило о себе пустое место двух коренных зубов, куда телохранитель Хардульва конунга так ловко заехал рукоятью меча, – замахнуться и ударить клинком в давку на корабельном носу не получалось... Голова кружилась, и даже саднил шрам на затылке, как будто тот памятный удар веслом десятилетней давности он получил только сейчас... Вокруг разливалось холодное дыхание Одина, Властелина Битв, которому Торвард так часто приносил жертвы собственной кровью... и едва ли Бог Копья обвинит его в скупости.

Торвард сделал шаг вперед – стоять на месте и ждать неизвестно чего было невыносимо. От этого движения ему стало легче, и он шагнул еще два раза.

На третьем шаге он вдруг услышал впереди глухой громовой удар и остановился. Темнота озарилась беловатой вспышкой, и на фоне этой вспышки Торвард увидел исполинскую фигуру всадника, черного на черном коне. Конь и всадник сливались в единую глыбу, неразличимую и пугающую. Они были ростом с гору, и Торвард, вздрогнув от ужаса, невольно схватился за то место на поясе, где привык находить рукоять меча. Но нашел пустоту: все оружие пришлось оставить за воротами.

Мгновенно собравшись, Торвард приготовился сам не зная к чему. И не зря: исполинский всадник вдруг взмахнул рукой и бросил в него огромное черное копьё. Торвард привычно увернулся – тело сработало само, как в бою, и копьё с громким гулом ударило обо что-то позади него. Всадник взмахнул рукой со вторым копьём. А Торвард совсем успокоился: он умел собираться и без дрожи делать то, что нужно, не тратя сил на переживания. Он легко увернулся от второго копья, а третье прилетело, как молния, мгновенно вслед за вторым, не дав ему времени даже заметить, но тело само, продолжая то же движение, увело Торварда из-под удара. «Ничего себе!» – только и мелькнуло в мыслях. Вспомнились четыре копья, стоявшие возле трона Эрхины, и Торвард ждал четвертого удара. Но его не было.

– *Я узнаю в тебе моего сына,* – прозвучал голос из темноты, и Торвард заметил, что фигура всадника слилась с мраком и уже не видна. – *Открою тебе мое имя: я – Один, Альфёдр, Оллатир, Руад Роэсса, Бог Копья, Владыка Вдохновения, бог мертвых и отец всех живых. Много имен у меня и много умений. Иди вперед, там тебя ждут.*

Тьма начала рассеиваться, и Торвард пошел. Неприятные чувства рассеялись, грудь вздохнула легче. Из мглы снова выступили яблоневые деревья, и они словно бы сами расступались, показывая ему направление.

Быстро светлело, и вот перед ним открылась красивая круглая поляна. Яблони вокруг нее цвели крупными белыми цветами, в воздухе висел свежий, нежный и будоражащий запах весны, хотя за оградой сада утверждалась в правах зима. Сам этот запах наполнял кровь ощущением беззаботного весеннего счастья, когда кажется, что тьма и холод ушли навсегда, что этот светлый день будет длиться без конца и весь мир открыт перед тобой. Из мира Одина он вступал в мир Фрейи, Госпожи, Богини, как ее звали здесь. Торвард хорошо знал это ощущение весеннего праздника и наслаждался этим даром – несвоевременным, внезапным, ему одному принадлежащим днем весны.

Посреди поляны расположился красивый дом, словно отлитый из узорной бронзы. Перед ним стояло дерево – яблоня, целиком сделанная из золота и сверкавшая так, что было больно смотреть. Открытые двери звали к себе, и Торвард переступил порог. Здесь была его личная

вершина огненной горы, где Сигурда ждет его валькирия, его высшее «я», женская половина его самого. Эта валькирия – не смертная женщина ему на пару, а женская часть его внутренней вселенной, всегда состоящей из двух дополняющих друг друга равноправных частей.

И за порогом он сразу увидел ее. Молодая богиня в ослепительно белых одеждах, окутанная волнами золотистых волос, стояла посреди покоя, и золотой обруч у нее на голове сиял ярче солнца. Торвард смотрел на нее, как впервые: он видел уже знакомое лицо, и в то же время перед ним оказалась не та женщина, с которой он говорил вчера. Теперь он понял разницу: Эрхина в Срединном Покое была божественно прекрасна, но оставалась земной женщиной, а сейчас перед ним предстала воистину богиня Фрейя, Невеста Ванов, принявшая облик Эрхины, чтобы ее устами говорить с ним.

Она едва приметно дрогнула, когда он вдруг встал на пороге, двигаясь бесшумно, как зверь.

– Войди в дом Эохайда, Торвард сын Торбранда, – сказала она, и в ее голосе отражалось подавляемое смятение, волнение, которое она напрасно пыталась усмирить. Пройдя через поле Одина, новый конунг фьяллей принес сюда всю силу Властелина Битв, и она трепетала перед дыханием этой силы, как облачко тумана перед огнем. – Ты заслужил право войти сюда, и Альфёдр-Оллатир приветствует тебя.

Торвард подошел к ней. Смысла этого приветствия он почти не понял, но при звуке ее голоса немного опомнился. В какой-то мере чары ослабли, и теперь он видел, что в этой юной богине кипит живое человеческое волнение, причина которого – он сам. Он чувствовал за своей спиной тень Одина и смотрел на богиню как на равную себе. В этом смысл прихода в волшебный сад: пространство богов каждого ненадолго делает божеством.

Помня, что в обряде существует какой-то порядок, он ждал от нее знака, но вчерашнее влечение вернулось к нему с утроенной, прямо-таки божественной силой. И *теперь* обряд не препятствовал его желаниям, а прямо-таки требовал именно этого. Потому-то в этом волшебном саду вечно сияет весна – время любви, обновляющей жизнь. Ожерелье Брисингов – сияющее золотое кольцо на груди Фрейи, Колесо Возрождений. А любовь – та сила, которая заставляет его вращаться. Мощная жажда любви струилась в крови Торварда и властно влекла к юной богине в белых одеждах – божественная Сила Кольца, убивающая прежнего человека и возрождающая нового.

– Я даю тебе этот меч как знак твоей силы, что одолеет всех твоих врагов, – произнесла Эрхина и подала Торварду бронзовый меч.

Длинный меч был отлит целиком, клинок и рукоять вместе; более узкий у рукояти, к середине клинок делался несколько толще, а ближе к острию сужался снова. Узорное навершие кончалось двумя красиво закрученными завитками вроде бараньих рогов. Такие мечи отливали тысячу лет назад, когда люди еще не знали железа, когда им только еще предстояло отвоевать у великанов залежи железной руды, а у dwarves – тайны ее обработки. Бронзовыми мечами вооружал своих сыновей Харабана Старый. Теперь это оружие служило знаком власти, но для битвы никак не годилось, и Торвард принял дар отчасти неловко, как игрушку, из которой давно вырос. Мечей через его руки прошло уже очень много, и гораздо более боеспособных.

– Я даю тебе вепрь в знак силы небес, силы Бога и Богини, которые отныне будут с тобой! – Не дождавшись от него ответа, Эрхина подала ему небольшую, но тяжелую фигурку бронзового вепря с круто поднятым загривком и грозно торчащими позолоченными клыками. – Эохайд Оллатир и дочь его Меддви, Невеста Ванов, благословляют тебя, Торвард конунг.

И только теперь, только когда слова «Торвард конунг» прозвучали из ее уст, они приобрели настоящий вес и значительность. Торвард взял фигурку в другую руку. Вепрь и медведь, покровители двух сословий, жрецов и воинов, здесь менялись один на другой: ведь он привез

Эрхине шкуру медведя, обязательный обрядовый дар. И эта шкура теперь была расстелена на полу возле ее ног.

Рядом с Эрхиной стоял на подставке серебряный котел с золотыми ручками, похожий на тот, что был вчера на пиру, но сиявший еще ярче. В котле пенилось пиво красноватого цвета, и Торвард мельком подумал, что оно сварено на жертвенной крови. И сейчас это дикое предположение показалось естественным – как то, что происходит только один раз и в том месте, где бывают только один раз.

Золотым кубком Эрхина зачерпнула пива из котла.

– Вот кубок Красного Мудреца, – сказала она. – Сила смешана в нем со звонкою славой. Песни и сказания сварены в нем, и руны замешаны были в котле. Сила и мудрость даются тебе богами, и власть над землей фьяллей отдается тебе.

Эрхина отпила из кубка и подала его Торварду. Положив два первых дара на скамью возле себя, он принял его и допил остальное. Станный, непривычный напиток ударил в голову, перед глазами все поплыло. Он выпустил из рук драгоценный кубок и сразу забыл о нем. Священный обряд достиг высшей точки, ему оставалось принять последний и самый главный дар Иного Мира.

– Власть – это невеста, которая подносит напиток могущества, и Власть – сам этот напиток! Я, Власть, именем Владыки Рун, бога мертвых и отца всех живых, отныне принадлежу тебе, Торвард сын Торбранда, – сказала она, глядя прямо ему в глаза, и в ее взгляде он видел прямое отражение своего смятенного огня.

Сейчас он имел право на эту женщину, потому что в ней с ним обручилась сама Власть. Теперь руки у него были свободны; Торвард шагнул ближе к ней и быстро обнял; он слышал тихое, убыстренное дыхание существа, такого же живого, как он сам. Теплые мягкие руки, словно два лебедя, вырвавшиеся на свободу, страстно обвили его шею; одолевая головокружение, Торвард подхватил ее на руки и положил на широкую шкуру. Как в бою, все делалось само собой, а разум и память отступили, растаяли в огненном блаженстве высшего свершения, счастливейшей победы восхождения... Под руку ему попался священный золотой кубок, и он отпихнул его, как безделушку. Кубок покатился по полу, тихо звеня, но Торвард этого уже не слышал...

Когда он вышел из ворот яблоневого сада, уже давно перевалило за полдень. К поясу его был прикреплен длинный бронзовый меч, а в руках он держал бронзового вепря и золотой кубок – священные дары Оллатира, которые при жизни подтверждают его право на власть, а после смерти уйдут с ним в могилу, чтобы его наследник в свой черед раздобыл свои.

Фьялли встретили своего конунга ликующими криками, но он не ответил и даже не поглядел на них. Вид у него был странный: утомленный и отрешенный. Казалось, что душа его еще оставалась в священном яблоневом саду, когда ноги уже оттуда вышли, и только потом, понемногу догоняя, с неохотой занимает привычное место в теле. Его отвели в гостевой дом, ни о чем не спрашивая. Никому нельзя знать о том, что происходило за бронзовыми воротами Сада Богини.

– Ну, теперь можно и домой! – радостно толковали фьялли, вечером сидя вокруг огня. – Пора бы, а то зимние бури пойдут. Кюна ждет, наверное, руны раскидывает.

Торвард со своей лежанки слышал эти голоса как сплошной неразборчивый гул. Весь он был полон нездешним чувством блаженства и жути – так, должно быть, чувствует себя павший, которого впервые обнимает валькирия, чтобы нести в небесный чертог Повелителя. Сегодня его научили тому, чего даже он, при его богатом опыте, не знал. Что любовь может быть не только удовольствием тела, но слиянием духа со Вселенной, подобием которой становятся, сливаясь, мужчина и женщина, как вечные Бог и Богиня, создатели всего. В объятиях богини он был этим богом, бесконечным, как само мироздание; он был мирозданием, и теперь еще ему казалось странным, что он опять помещается в свое прежнее, вчерашнее тело, и кожа не

лопается, и не трещат швы-шрамы. Даже своим хирдманам он кажется прежним Торвардом. А он уже другой. Он унес в себе эту слитность со вселенной, которая отныне будет направлять его путь и даст право говорить с богами от имени целой страны.

И это сделала она.

Постепенно приходя в себя, он пытался осознать, что случилось, но не мог. Ощущение близости божества по-прежнему переполняло кровь и разум, но наряду с этим понемногу всплывали более знакомые ощущения – воспоминания о любви женщины, которая получила от него не меньше, чем подарила ему. Он побывал словно бы в объятиях двух: Богини и смертной женщины. И если Богиня наградила его благословением, то женщине просто было очень хорошо с ним. Он дал ей то, что она с охотой приняла, в этих вещах Торвард никогда не ошибался. Но всего этого оказалось многовато даже для него, и он старался отдыхать, не вспоминать, ни о чем не думать, дать впечатлениям отстояться.

И он не жалел о том, что до своего скорого отплытия больше не увидит фрию Эрхину. Он так и не понял, кто же она и имеет ли он право вспоминать любовь женщины перед лицом недоступной, возвышенно-прекрасной богини.

Глава 3

Несмотря на обещание отправиться в поход на Фьялленланд немедленно, Бергвид Черная Шкура сейчас, по прошествии месяца, все еще оставался на Квиттинге. Жизненный опыт наконец-то и его, упрямого и самоуверенного, но не слишком разумного, научил осторожности. Опомившись после появления ведьмы в пламени очага, дружина одобрила мысль идти на Фьялленланд, но и предостерегла от излишней поспешности. Торбранд конунг погиб, но не он один защищал Фьялленланд. Вся его дружина в целости вернулась домой и готова отразить любые нападения.

Чтобы воевать с фьяллями, требовалось хорошее войско. Дружины самого Бергвида, имевшей, после всех битв и потрясений последних месяцев, всего-то человек сорок, для этого явно не хватало.

– Рассказывают, конечно, про одного отважного конунга, который, желая отличиться, отправился завоевывать Морвену на двух кораблях... и кончил жизнь, естественно, в змеиной яме, куда его бросил конунг Морвены, – рассказывал Сигвид хёльд по прозвищу Ворона. – И кроме длинной предсмертной песни о своих подвигах ничего больше сотворить он не успел. А тебе, Бергвид хёвдинг, глупо было бы умирать сейчас, когда у тебя наконец-то есть такая верная возможность отомстить!

Вороной Сигвида хёльда прозвали потому, что в лице его с крупным, немного свернутым в сторону носом проглядывало явное сходство с этой птицей, неглупой, настороженной и немного лукавой, всегда высматривающей, нет ли какой поживы. Рослый, плечистый и еще сильный, он по причине многочисленных ранений и прочих превратностей выглядел лет на десять старше своих сорока пяти, но славился как умелый боец и умный человек. Разговорчивый, учтивый, особенно с женщинами, Сигвид пользовался большим уважением. Бергвид недолюбливал его за ту охоту, с которой Сигвид раздавал советы и поучения, но теперь, не то что в юности, ограничивался тем, что выслушивал их с равнодушной угрюмостью и поступал по-своему.

Однако теперь его слова пришлись хёвдингу по сердцу: в общем-то, вполне равнодушный к мысли о смерти, Бергвид сын Стюрмира так высоко ценил возможность отомстить, что ради нее готов был сдерживать собственные порывы. Отомстить за Битву Конунгов, в которой его отец уступил Торбранду! За каменную лавину, под которой Хёрдис Колдунья погребла Стюрмира конунга, ушедшего с поля битвы. За сокрушительный пожар Острого мыса, сожравший остатки рода Лейрингов, их с Хильдой материнского рода, за Битву Чудовищ, в которой квитты в последний раз дали фьяллям достойный отпор. За пятнадцать лет унижительной дани и грабежей. За битву на той безымянной вересковой равнине, где пал его дядя Гримкель, последний, кто оставался от некогда многочисленного и могучего рода.

И вот все это кончилось! Нет больше Торбранда, прославленного победами, нет больше Дракона Битвы, приносившего фьяллям эти победы! Теперь они – беззащитные овцы в руках мстителя. И тогда, по-настоящему отомстив за поражение и гибель отца, он снова потребует себе звание конунга квиттов. И никто уже не посмеет ему перечить!

О Торварде конунге Бергвид не думал. До того они встречались в битве всего один раз, но чары Дагейды помогли ему уйти невредимым, и он считал, что победа осталась за ним. Теперь он мысленно закрывал глаза на рассказы о силе, доблести и удаче Торварда Рваной Щеки, просто отмахивался от этого образа. Всю жизнь его, Бергвида, преследовала злая судьба – теперь наконец-то все будет так, как он хочет. Ведь Дагейда обещала ему это.

Всю ночь после встречи с ведьмой Бергвид не спал, дрожал от возбуждения, предвкушая скорое торжество, а на рассвете поднялся и один, никого с собой не взяв, отправился на гору Стенсэтр, где качал на ветру ветвями кривой дуб, а под обрывом у его корней бил источ-

ник. Скользя на палой листве, пробираясь по камням между мокрых голых деревьев, Бергвид добрался до источника, глянул и не сдержал крика – Дракон Памяти был здесь! Он сразу бросился в глаза – как белая звезда, как живой факел серебряного света! Кубок был отлит в виде дракона: подставку образовывал свернутый кольцом хвост, тело служило ножкой, а сама чаша представляла голову дракона с широко раскрытой пастью. На шкуре дракона была видна каждая чешуйка, в глазах сияли маленькие, не больше зернышка, прозрачные камешки, играющие на солнце всеми цветами – дверги называют их «звездный блеск».

Даже сумрачную и маловосприимчивую душу Бергвида поразили красота и совершенство кубка, и некоторое время он стоял на коленях, рассматривая сокровище и не смея прикоснуться к нему. Шум воды заглушал его тяжелое от бега и волнения дыхание. Рожденный в темных глубинах Свартальвхейма, где все сущее обретает форму, причудливое творение мудрых, умелых рук древнейшей расы, Дракон Памяти был так не похож на камни и деревья вокруг и притом так легко, так полно и неотделимо-прекрасно сливался с ними. Нечеловеческие руки, сотворившие его, существовали в неразрывном единстве со вселенной, чьи тайны человек лишь пытается постигать. И безнадежно закрыт к этим тайнам путь для того, кто все сущее в мире пытается подстраивать под свои собственные слепые понятия о хорошем и плохом, о злом и добром, о нужном и ненужном, о достойном жизни и подлежащем уничтожению...

Ведьма не обманула его. Бергвид не доверял никому, и пообещай ему что-то сам Один, он и тогда сомневался бы до самого последнего мгновения. Но кубок был здесь – он стоял открыто, на камнях перед чашей источника, где кипела белая пенная струя, срывавшаяся с обрыва высотой в человеческий рост. Чистое, белое серебро с чернью снаружи и позолотой внутри кубка выглядело свежим, возрожденным, как будто только что вышло из темной кузницы dwarves. Теперь Дракон Памяти казался более новым и молодым, чем в тот далекий день, когда Бергвид отдал его ведьме, а ведьма впервые погрузила его в источник, и в его пересохшие жилы снова потекла кровь Медного Леса. Против воли в памяти Бергвида всплывало постыдное воспоминание, как душистой летней ночью десять лет назад шел по темному лесу, держа Дракон Памяти под плащом и подавляя страх, что пропажу кубка обнаружат, что за ним пустятся вдогонку, разоблачат, назовут вором... Снова, после десятилетнего заточения, серебряный дракон стал доступен человеческим рукам, но теперь Бергвид получил его честно, законно... не то что в прошлый раз...

Дрожа, Бергвид наконец решился и жадно схватил кубок озябшей рукой, словно боялся, что Дракон Памяти, как живой, скользкий змей, вырвется и уползет. Кубок показался ему тяжелым, но в нем был залог его будущего могущества, и Бергвид засмеялся – один среди осеннего леса, один среди облетевших деревьев, среди бурых листьев на серых скальных выступах, зеленой хвои и мха, светлых капель на черных мокрых ветках. И каждая ветка, каждый из пёстрых, влажно блестящих камешков видел и понимал его, в каждом из них жила душа Дагеиды. Дагеида тысячами рук протягивала ему кубок, чтобы он отомстил за свой род...

В тот же день Бергвид разослал по округе Фрейреслаг деревянную бирку-будкафлу, покрытую рунами, призывающими на тинг в ближайший же вторник. Руны резал Сигвид Ворона. В ожидании, пока народ соберется, Бергвид каждый день пировал в усадьбе вместе с ликующей Хильдой, которая в ожидании таких приключений передумала пока уезжать на Острый мыс. Она не могла насмотреться на Дракон Памяти, который ее брат почти не выпускал из рук. О нем она немало слышала и раньше – от своего родича Хагира Синеглазого, который сам и добыл Дракон Памяти из заморского кургана и которого Бергвид так ненавидел, что не терпел даже упоминания его имени⁷.

– Мы имеем право владеть им – ведь он принадлежал нашему роду, роду Лейрингов! – говорил Бергвид. – Это наше законное наследство, и оно принесет нам удачу!

⁷ Эта история рассказана в романе «Ведьмина звезда».

«Как сказать! – между делом подумала Хильда. – Если это законное наследство Лейрингов, то законный владелец его – Хагир, он ведь Лейринг по мужской линии». Но делиться этим соображением с братом она не стала: юная, но отнюдь не наивная, она уже знала, что Бергвид понимает любые «законные права» только в свою пользу.

– Но ведь говорят, что у него есть какие-то волшебные свойства! – заметила она. – С ним ведь можно творить какую-то ворожбу, ведь так?

– Он принесет удачу! – уверенно ответил Бергвид. – Это и есть его волшебное свойство!

Хильда с сомнением поджала губы, но промолчала. Ее брат, при всей его отваге, вовсе не был мудрецом, которому подчинятся сокровища двергов.

Тинг собрался на берегу озера, перед святилищем Хэстирнес, где цепочка высоких, в человеческий рост, стоячих камней отделяла от берега мыс, глубоко вдающийся в озеро. На середине площадки был выложен круг из белых камней – рундель, внутри которого разводился огонь и жертва посвящалась богам, после чего она сталкивалась в воду озера. Теперь в круге белых камней играло жаркое ясеневое пламя, и девять черных барашков ждали, когда вождь коснется их священным молотом.

Бергвид явился в Хэстирнес вместе со всем своим хирдом, то есть двором – с сестрой, дружиной и даже челядью, для такого случая старательно умытой и причесанной. Он сам, Хильда, хирдманы и ярлы – все оделись в лучшие цветные наряды, девушка сияла золотой застежкой плаща и золотым обручем, у мужчин блестели на груди золотые и серебряные цепи, добытые на морях, оружие было начищено, волосы и бороды расчесаны. Сам Бергвид, в своем плаще из шкуры черного Ньёрдова быка, в железном шлеме и с золотой цепью на груди, выглядел воинственно и грозно, и сами камни святилища Хэстирнэс, помнившие древних конунгов, предков Бергвида, благосклонно смотрели на него при бледном свете зимнего солнца.

Начало зимы, хоть на Квиттинге она теплая и почти бесснежная, все же не лучшее время для поездок на тинг, но народу собралось не так уж мало. Все землянки на луговине были покрыты тюленьими шкурами или старыми парусами, из низких дверей поднимались столбы дыма. Те, кому не хватило землянок, поставили кожаные палатки или шалаши, крытые еловым лапником, развели перед ними костры. При виде конунга с дружиной народ стал собираться: люди прерывали беседы, выбирались из своих убежищ, оставляли ложки, которыми помешивали в черных котлах над огнем, подбирали с досок игральные кости, за которыми коротали время, оправляли одежду и сдвигались плотной толпой, чтобы лучше видеть и слышать. Склоны ближайших холмов были залиты живым морем голов – в меховых и шерстяных шапках, кое-где для пущей важности в шлемах, кое-где непокрытых, молодых и кудрявых или старых и лысых. Тысячи глаз устремлялись к «хёвдингу округи Фрейреслаг», который сегодня впервые выступал перед людьми в этом качестве.

У всех он вызывал большое любопытство. Иные из этих людей всего несколько месяцев назад сражались под его стягом против Вигмара Лисицы, хёвдинга с севера, иные, напротив, не желали иметь ничего общего с неудачливым наследником Стюрмира конунга. Что он скажет им теперь? Он, сын и наследник единовластного на Квиттинге рода, смирился ли он с тем, что стал всего лишь одним из восьми независимых вождей? Его решение означало мир или войну для всего полуострова, а значит, касалось всех. И потому сюда приехали даже те, кто предпочел бы никогда его не видеть.

Бергвид окинул взглядом толпу – здесь собралось около тысячи человек, в основном мужчин, потому что женщины, не имея на тинге права голоса, не пожелали покидать дома в промозглые зимние дни. Конечно, не все согласятся встать в ряды под его стягом. Хорошо если каждый десятый, а остальные сложатся, чтобы снабдить его одеждой, оружием и пропитанием для долгого похода. Но Бергвид сейчас не подсчитывал, не прикидывал – он видел перед собой целое войско, целое море людей, законным и признанным повелителем которых он теперь являлся. Лишив его звания конунга, клятва на озере Фрейра взамен дала ему закон-

ную власть над здешней округой, и сейчас ему предстояло на деле убедиться, что одна ворона в руках лучше, чем две в лесу.

– Я созвал вас сюда, чтобы открыть вам важную новость! – сразу начал Бергвид, который никогда не отличался умением говорить речи. – Не будем мы на этом тинге ни разбирать тяжбы, ни принимать законы. Торбранд конунг, наш враг, умер. Фьялленланд остался без защиты. Я зову вас в поход на наших врагов. Теперь, когда Торбранда нет, мы захватим его землю, как он захватывал нашу, мы разорим дома фьяллей, как они разоряли наши, мы увезем в рабство их жен и детей, мы заставим их платить нам дань! Я зову вас! Камни Хэстирнэса благословят наше оружие! Тюр и Один будут с нами!

Народ слушал его поначалу в безмолвном недоумении: услышанное оглушило, как хороший удар по голове. Все настроились на разговор о квиттингских делах, об отношениях с Вигмаром Лисицей – а услышали такое, чего никому и в голову не приходило. Лишенный возможности воевать с недругами-квиттами, Бергвид хёвдинг замахнулся на фьяллей! От меньшего зла кинулся к большему!

Захватить Фьялленланд! Допустим, один раз можно пройти по вражеской земле, разорить дома, взять добычу и пленных. Но чтобы дань собирать... это уж он что-то загнул... Да и насчет беззащитности... По всему Морскому Пути фьялли славились как отважные и очень умелые воины, их оружие, кольчуги и боевые корабли не имели себе равных. Именно в племени фьяллей в наибольшей полноте хранилось и развивалось древнее искусство обучения воина, позволявшее мужчине осознанным усилием воли пробуждать в себе «священную ярость зверя». Квиттинг столько лет испытывал на себе крепость их мечей и тяжесть их рук, что трудно было посчитать фьяллей «беззащитными», когда умер только их конунг, но остались все те сотни и тысячи воинов, привыкших одерживать победы под его стягом. В глазах квиттов Фьялленланд оставался неприступной крепостью, обителью крепкой стали и несокрушимой воинской силы – идти на него войной казалось так же немыслимо, как напасть на великанью страну Утгард.

Пока подобные мысли беспорядочно мелькали в головах ошарашенных слушателей, вперед вышел Марберг сын Донберга, дальний родич Бергвида со стороны матери, живший в усадьбе Сосновый Пригорок. Несмотря на молодость – ему исполнился только двадцать один год – он уже стал главой своего рода и пользовался почетом, как человек знатный, разумный и справедливый. Говорить он тоже умел, и произнесенной им речью можно было заслушаться. Он напомнил людям о том, что только в испытаниях военных походов пробуждаются силы человека, а сидеть дома, подобно девушкам, ожидающим женихов, достойным людям стыдно. Что весь Морской Путь, должно быть, позабыл, что на Квиттинге есть и мужчины, которые не побоятся отомстить за своих предков, павших от фьялльских мечей. Двадцать семь лет они выжидали подходящий случай, поскольку только раб мстит за свои обиды сразу, а благородный человек старается как следует подготовить самое важное дело своей жизни. И вот теперь этот случай пришел, и если они его упустят, то покроют себя позором, как трусы. Красно-речиво и подробно Марберг расписывал сокровища, которые фьялли когда-то награбили на Квиттинге, – скот и драгоценную посуду, ковры, яркие одежды, серебро и золото, съестные припасы, выплавленное из болотной руды железо, в то время как квитты каждую зиму уносят в лес кого-то из детей, чтобы иметь возможность прокормить оставшихся. Напоминал, сколько мужчин пало на полях битв, сколько женщин, знатных, благородных женщин с белыми руками, окончило жизнь во Фьялленланде за жерновом или в хлеву, среди тягот и унижений рабской жизни. Сколько детей, рожденных свободными, выросли в рабстве и вместо благородных занятий свободных людей всю жизнь только пасли свиней, кормили собак и чинили изгороди.

Его слушали в молчании, и ответом на его речь служил темный огонь, загорающийся в глазах. Все это была правда, и каждый из стоявших перед мысом Коней мог назвать десяток имен своих родичей, с которыми все это и случилось. Из речей Марберга постепенно вставал

образ прежнего Квиттинга, независимого, многолюдного, могучего, процветающего. Становилось стыдно за отцов и дедов, которые сперва допустили поражение, а потом терпели жизнь в рабстве. Каждый чувствовал в себе желание и способность стать сильнее их и исправить прежнее зло. И казалось, снова вызвать к жизни прежний Квиттинг так легко – стоит только собрать войско и вернуть во Фьялленланд все то горе, которое однажды оттуда пришло... И когда Марберг хёльд от имени Бергвида снова призвал народ взяться за оружие, вся округа Фрейреслаг ответила ему единым криком согласия.

После этого Бергвид, по совету того же Марберга, три дня устраивал пиры в Конунггорде, шумевшие день и ночь. Гостей обносили мясом и пивом, они хвастали друг перед другом оружием и рассказывали о ратных заслугах предков, и кубок Браги, поднимаемый в честь славных воинов прошлого, вызывал бурю восторженных воплей. Хильда, нарядная, с блестящими глазами и румянцем возбуждения на щеках, обносила пивом самых знатных из гостей, упивалась их речами и уже видела саму себя кем-то вроде тех валькирий, которые были сестрами и дочерьми древних конунгов и сами «носились в битвах над землею и морем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.